СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 10/1

2012

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой коммуникаций от 15 мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 10-4711

Учредитель – Южный федеральный университет
Главный редактор – член-корр. РАО, д.биол.наук, профессор Ермаков П.Н.

Журнал издается с 1996 г., выходит 4 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2012 г. ➤ № 10/1

Ответственный секретарь –
Попова Л.В.
Компьютерная верстка – Чеха А.П.

Редакционный совет

д.пед.наук, профессор Акопов Г.В.
д.пс.наук, профессор Асмолов А.Г.
д.пс.наук, профессор Аллахвердов В.М.
д.пс.наук, профессор Богоявленская Д.Б.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Бондырева С.К.
д.пс.наук, профессор Дебольский М.Г.
д.пс.наук, профессор Забродин Ю.М.
д.пс.наук, профессор Знаков В.В.
д.пс.наук, профессор Зинченко В.П.
д.пс.наук, профессор Карпов А.В.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Климов Е.А.
д.пс.наук, профессор Леонтьев Н.И.
д.пс.наук, профессор Малофеев Н.Н.
д.пс.наук, профессор Марьин М.И.
д.пс.наук, профессор Перелыгина Е.Б.
д.пс.наук, профессор Попов Л.М.
академик РАО, д.пед.наук, профессор Рубцов В.В.
член-корреспондент РАО, д.пс.наук, профессор Реан А.А.
д.пс.наук, профессор Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, профессор Смирнов С.Д.
д.пс.наук, профессор Тхостов А.Ш.
канд.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.
д.пс.наук, профессор Черноризов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Шадриков В.Д.
д.пс.наук, профессор Шмелев А.Г.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Фельдштейн Д.И.

Редакционная коллегия

д.пс.наук, профессор Абакумова И.В.
д.биол.наук, профессор Бабенко В.В.
канд.пс.наук, профессор Васильева О.С.
д.пс.наук, профессор Воробьева Е.В.
д.пс.наук, профессор Джанерьян С.Т.
канд.пс.наук, доцент Дикая Л.А.
д.пс.наук, профессор Лабунская В.А.
д.пс.наук, профессор Рюмшина Л.И.
д.пс.наук, профессор Сидоренков А.В.
д.пс.наук, профессор Скрипкина Т.П.
д.пед.наук, профессор Федотова О.Д.
д.пед.наук, профессор Фоменко В.Т.
д.филос.наук, профессор Шкуратов В.А.

Адрес редакции:
344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 243.
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Подписано в печать 02.03.2012.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 7,23.
Заказ № 116/10. Тираж 1000 экз.

Подготовлено и отпечатано DSM group.
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Казахская, 35.
E-mail: dsmgroup@yandex.ru, dsmgroup@mail.ru

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.
© Северо-Кавказский психологический вестник

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Гультяева В.В. Психологическая составляющая профессиональной компетентности судьи 5

Иванов Р.С. Пригодность психофизиологического состояния человека к применению полиграфа 9

Крайненко А.Б. О взаимосвязи мотивационных и ауторегуляторных особенностей несовершеннолетних осужденных 13

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Бутенко В.С. Организационные и методологические проблемы создания системы психологического сопровождения Южного федерального университета 17

Дубовер Д.А. Школа полного дня в России на рубеже XX и XXI вв.: история, современность, перспективы 20

Черных О.В. Квалиметрические принципы организации компетентностного образования 24

Чигишева О.П. Методологическая составляющая в зарубежных теоретико-педагогических исследованиях прогностического уровня 28

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Акопова Л.И. Автономия супругов по отношению к семейной системе как зона риска 32

Коломийченко Е.В. Мотивация студентов вуза к занятиям физической культурой и спортом как компонент развития физической культуры личности 35

Ларионова Н.Н. Составляющие здорового образа жизни и отношение к ним современной молодежи 40

Рыбчинская С.П. Культура здоровья как инструмент формирования мотивации к здоровому образу жизни у студентов 44

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Саакян О.С. Особенности фоновой электрической активности мозга юношей и девушек с разными индивидуальными особенностями 47

Гончарова К.Н. Общие особенности образа «Я» у лиц с алкогольной и опийной зависимостями 50

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 54

НАШИ АВТОРЫ / OUR AUTHORS 59

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СУДЬИ

Гультяева В.В.

В статье обоснована актуальность исследований психологических детерминант профессиональной компетентности судей, дан анализ различных подходов к изучению этой проблемы, предложен собственный подход к изучению психологических предпосылок профессиональной компетенции судей, который может быть назван «стилевым».

Ключевые слова: *судья, профессиональная компетентность, профессионально значимые психические свойства, стилевые характеристики личности.*

В настоящее время, когда задача создания правового государства в России многими осознаётся как одна из приоритетных, тесно связанных с обеспечением благополучного будущего для общества и страны, особенно актуальна проблема качественного комплектования и последующего функционирования судейского корпуса. Стремительно увеличивающаяся нагрузка на правоохранительные органы в целом и на судей как вершителей правосудия, наделенных полномочиями применять власть от имени государства; повысило не только квалификационные требования, но и психологические. Руководители судов сходятся во мнении, что нужны неотложные решения по кадровому вопросу, при этом особое значение следует уделять психологической готовности судей к работе.

Судебная власть играет чрезвычайно важную роль в системе разделения властей в демократическом государстве (наряду с *законодательной* и *исполнительной властью*), трактуя волю государства в случае, когда нормативная трактовка, предложенная законодателем для общего случая и выраженная в норме закона, вступает в противоречие с нормативной трактовкой в процессе индивидуального регулирования. Джордж Вашингтон говорил, что «подлинное отправление правосудия является самой прочной основой хорошего правительства».

Центральной фигурой судебной власти является судья. Именно он уполномочен выступать как представитель Закона и Государства. Его деятельность сложна, ответственна и многогранна в связи с разнообразием выполняемых им функций и решением комплекса правоприменительных задач. Важными особенностями этой деятельности являются, с одной стороны, жёсткая регламентация, с другой – требование независимости от всех посторонних влияний, поскольку только она может обеспечить объективность и справедливость принимаемых судебных решений.

Условия и содержание профессиональной судебной деятельности, высокая социальная значимость её результатов обусловливают целый комплекс требований к психическим свойствам судьи. Различные авторы подчёркивают необходимость наличия у судьи таких качеств, как, например, самоконтроль, эмоциональная сдержанность, умение сохранять спокойствие в напряженных ситуациях, требовательность к форме поведения и высказываниям участвующих лиц, и, вместе с тем, указывают на важность проявления терпимости, тактичности, способности к снижению чрезмерной напряжённости течения судебного процесса, эмоционального возбуждения его участников и т. п. [1, 5 и др.]. Перечень профессионально значимых для судьи психологических качеств может существенно варьировать в зависимости от того, какие стороны судебной деятельности, на взгляд авторов, являются определяющими.

Как указывает Л.М. Карнозова [2], в изучении психологических аспектов судейской деятельности условно можно выделить два направления: нормативно-идеологическое и проблемное.

В исследованиях нормативно-идеологического направления судья рассматривается как «отвлеченный рассудочный субъект». Выделяемые разными авторами наборы структурно-фукциональных компонентов судебной деятельности (познавательный, конструктивный, коммуникативный, воспитательный, удостоверительный, организаторский – иногда набор варьируется) фиксируют требования извне, но не собственно психологические механизмы их

реализации. В большинстве учебников по юридической (судебной) психологии психологическому анализу деятельности судьи уделено меньше всего места, и соответствующие описания носят большей частью такой же нормативно-идеологический, а отнюдь не психологический характер.

Исследования «проблемного» направления ориентированы на постановку и анализ психологических проблем судебной практики. Здесь как раз обстоятельства деятельности (нормы, обыкновения, негласные стандарты) и психологическая реальность разделяются, что является весьма конструктивным и продуктивным для судебной психологии. Ведь задача психологического исследования как раз и состоит в разотождествлении нормативной и психологической действительности, в выявлении психологической природы процессов, необходимых для осуществления судебной деятельности, и определении условий формирования способностей, обеспечивающих ее выполнение.

Разумеется, проводя различия между нормой юридической (и идеологической) и собственно психологической, исследователь в области судебной психологии должен опираться на основательное знание юридических норм и сложившихся стандартов в судебной практике. Но они должны рассматриваться не только и не столько как безусловное предписание и мера психологической нормы, сколько – как объект психологической оценки реалистичности этих норм и стандартов, степени их соответствия существующим психологическим закономерностям и механизмам, реальным возможностям и особенностям судей как личностей.

Одной из первых в отечественной судебной психологии такую позицию определила Т.Г. Морщакова: «… в любой сфере человек выступает как личность, а потом уже на этой основе как «функционер» Поэтому, если ставится вопрос о том, какие психологические закономерности делают возможным вынесение неправильного решения по делу, то следует, видимо, в первую очередь рассмотреть те психические явления, которые могут иметь отрицательный эффект для отправления правосудия, а не исходить только из положительного процессуального и построенного на нем психологическою статуса, по закону предписанного судье, беспристрастно воспринимающему, чуждому эмоциональных элементов» [4, с. 5].

С этой позиции психологические ограничения и личностные особенности судьи выступают как потенциальный источник дисфункций при исполнении его профессиональных обязанностей, которые, в свою очередь, повышают вероятность судебных ошибок. С другой стороны, высокий уровень развития профессионально важных качеств судьи может повышать качество его деятельности и правосудность выносимых решений, отчасти даже компенсируя недостатки и материалов предварительного следствия, и самой процедуры судебного разбирательства. Исследования этих явлений становятся особенно актуальными после принятия нового УПК РФ, согласно которому большинство уголовных дел рассматривается единолично.

Каковы же те внутренние предпосылки, от которых в наибольшей степени зависит качество и надёжность судебной деятельности? Существуют различные точки зрения на эту проблему.

В позиции юристов в этих вопросах на первый план выходят индивидуальные свойства судей, связанные с качеством их профессиональной подготовки и полученным профессиональным опытом. Так, В.В. Юдин, председатель Арбитражного суда Иркутской области, заслуженный юрист Российской Федерации, в своей статье, посвящённой проблеме отбора кандидатов на должности судей и помощников судей [9], высказывает мнение, что «…при отборе кандидатов на должности судей приоритет следует отдавать не тому, в каком вузе и какую ступень высшего профессионального образования получил кандидат, а прежде всего умению лица, претендующего на должность судьи, применять на практике полученные знания, умению правильно разобраться в конфликтной ситуации, социальной зрелости, деловым и этическим качествам кандидата на должность судьи» [9, с. 77].

Характерно, что автор указывает на необходимость включения программу квалификационного экзамена для будущих судей проверку знаний по общей и юридической психологии, конфликтологии и судейской этике. Кроме того, он пишет, что «…Право быть судьей должно быть заслужено как своим высоким профессиональным уровнем, определенной психологической устойчивостью, так и безупречным с точки зрения морали поведением при исполнении служебных обязанностей, а также в быту» [9, с. 78]. Важно также, что автор, учитывая то обстоятельство, что помощники судей в большинстве своем рассматриваются как резерв для формирования судейского корпуса, придаёт большое значение тому, в каком месте работал помощник судьи до прихода в суд. В частности, он считает, что работа юриста в коммерческой компании значительно снижает его шансы приобрести мотивацию «государственника», которая необходима судье в его деятельности. То есть речь идёт о таком важных для судьи качествах, как направленность не на узко корпоративные, а на государственные интересы, осознание личной ответственности перед обществом и государством.

Психологи, не умаляя значения профессиональной подготовки и опыта работы, делают акцент на развитии психических качеств судьи индивидного и личностного уровней.

Так, Г.Н. Щедрина [8], проводя психолого-акмеологический анализ судебной деятельности, на первый план выводит психическую устойчивость федеральных судей, которые выступили объектом её диссертационного исследования. В свою очередь, она считает, что «оптимальный уровень психической устойчивости федеральных судей достигается при гармоничном развитии интеллектуальных, эмоционально-волевых и личностно-профессиональных качеств» [8, с. 5]. Ею установлена связь между понятием «психическая устойчивость федеральных судей» и способностью к эффективному осуществлению профессиональной судебной деятельности. Показано, что достижению высокого уровня профессионализма личности и деятельности федеральных судей при выполнении профессиональных задач в условиях действия экстремальных факторов во многом способствует оптимальный уровень развития их психической устойчивости, в психолого-акмеологическом аспекте определяемый гармоничным развитием интеллектуальных, эмоционально-волевых и личностно-профессиональных качеств (прежде всего коммуникативных способностей).

Ю.Н. Тарасова, разрабатывая в своём диссертационном исследовании методику профессионального психологического отбора кандидатов на должности федеральных судей [3], пришла к выводу, что в качестве профессионально важных психических качеств судьи следует рассматривать и те, которые, не влияя непосредственно на успешность его текущей деятельности, могут, тем не менее, препятствовать развитию негативных процессов эмоционального выгорания и профессиональной деформации личности судьи.

Этот аспект профессиональной компетентности судей чрезвычайно важен потому, что федеральные судьи относятся к группе профессионалов, в значительной степени подверженных синдрому «эмоционального выгорания» – как представители коммуникативной профессии, профессии типа «человек-человек». При этом причинами профессиональных изменений у судей становятся как «внешние» (большой объем информации, «контроль» за деятельностью судьи со стороны вышестоящих судебных инстанций), так и «внутренние» факторы (осознание высокой ответственности, значимость оценки со стороны коллег, сомнения в процессе принятия решения, недостаток практического опыта). Сравнение групп судей показало большую напряженность и эмоциональную вовлеченность высокоуспешных, особенно в фазе «резистенции». У них шире представлены варианты защит. Они больше вовлечены в процесс коммуникации. Негативные последствия высокого эмоционального напряжения выражаются в эмоциональной и личностной отстраненности, положительные – в выработке эффективного индивидуального стиля деятельности.

Нам представляется, что одним из возможных направлений в решении этого вопроса является рассмотрение неправосудного поведения судьи как разновидности негативного девиантного поведения. При этом мы имеем возможность обратиться к результатам многочисленных исследований в этой области, особенно – касающихся базовых, исходных внутренних условий такого поведения. Это, в свою очередь, даёт возможность освободиться от необходимости составлять некий формальный «реестр» психических свойств, необходимых профессионально успешному судье, полнота и внутренняя согласованность которого во многом зависит как от детальности нашего анализа судебной деятельности, так и от развитости и определённости наших собственных психологических моделей.

В русле предлагаемого подхода выглядит весьма продуктивной точка зрения С.Б. Целиковского [6], согласно которой «… лишь в поведении высокоразвитой, зрелой личности девиации становятся маловероятными» [6, с. 156]. В свою очередь, важнейшими признаками зрелой личности автор считает высокую степень развития произвольной саморегуляции и адекватную и целостную систему представлений о себе и мире. При этом, как указывает С.Б. Целиковский, степень отставания и дефектности развития ауторегуляторной функции психики субъекта существенным образом обусловлена проблемами в развитии его познавательной сферы.

Эта связь обнаруживается и в том, что коренные жизненные цели включаются в контур саморегуляции поведения, лишь будучи интериоризированными, репрезентированными в системе личностных смыслов, и в том, что волевая регуляция поведения невозможна без способности мыслить во временной перспективе, воображать отдаленные последствия своих действий или бездействия. В целом любой акт внешне наблюдаемого поведения – это всегда результат субъективной семантической и прагматической интерпретации последовательности событий, воспринятых личностью. Индивидуальное своеобразие таких интерпретаций зависит от ментальных репрезентаций событий внутренней и внешней реальности и сформированных к этому моменту когнитивных структур.

Таким образом, речь идёт об индивидуальном своеобразии репрезентативно-когнитивных структур личности, которые в значительной мере определяют направление и содержание как внешне наблюдаемого поведения субъекта, так и характеристики его внутренних ауторегуляторных процессов. Поскольку понятие «репрезентативно-когнитивные структуры» тесно связывается с понятием «стилевые

характеристики личности» [7], и, прежде всего, с понятием «когнитивный стиль», то предлагаемый подход к изучению психологических предпосылок профессиональной компетенции судей может быть назван «стилевым».

Видимые нами преимущества «стилевого» похода определяются, прежде всего, системообразующей функцией индивидуальных стилевых характеристик, их тесной связью практически со всеми уровнями интегральной индивидуальности, их выраженными компенсаторными возможностями. Весьма важно также то, что определение стилевых характеристик личности – это не столько фиксация её актуального состояния, сколько определение возможных направлений её дальнейшего развития, в том числе – и в профессиональном плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В.Л. Юридическая психология. – СПб., 2006.
2. Карнозова Л.М. Гуманитарные начала в деятельности судьи в уголовном процессе. – М., 2004.
3. Тарасова Ю.Н. Профессиональный психологический отбор кандидатов на должности федеральных судей: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. – СПб., 2005.
4. Морщакова Т.Г. Психологические истоки судебных ошибок и внутреннее убеждение судей // Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. – М., 1975.
5. Столяренко О.М. Психологические приемы в работе юриста. – М., 2006.
6. Целиковский С.Б. Особенности когнитивного развития в генезе девиантного поведения // Когнитивная психология образования: проблемы и перспективы. – Ростов н/Д., 2006.
7. Шкуратова И.П. Стилевой подход к исследованию личности: проблемы и перспективы // Индивидуальные и стилевые особенности личности. – Ростов н/Д., 2002.
8. Щедрина Г.Н. Психолого-акмеологическое обеспечение психической устойчивости федеральных судей: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. – М., 2003.
9. Юдин В.В. Проблемы отбора кандидатов на должности судей и помощников судей // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 77–78.

ПРИГОДНОСТЬ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА К ПРИМЕНЕНИЮ ПОЛИГРАФА

Иванов Р.С.

В статье автор предлагает решать задачу по общей оценке пригодности психофизиологического состояния исследуемого лица к использованию полиграфа. Предлагается альтернативный подход к применению метода ПфИ: установление пригодности исследуемого, а не выявление факторов, препятствующих использованию полиграфа.

Ключевые слова: *полиграф, детектор лжи, тестирование на полиграфе, психофизиологическое исследование, опрос с использованием полиграфа, психофизиологический феномен, психофизиологическая экспертиза.*

В условиях развития мирового финансового кризиса криминальная ситуация в России продолжает оставаться сложной и напряженной. Рост в стране преступности требует от правоохранительных органов и спецслужб постоянного расширения и совершенствования методов, средств и технологий, применяемых при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений. В этой связи наблюдается увеличение инструментария юридической психологии, и, в частности, – появление научных методов, связанных с исследованием организма и психики человека. Одним из таких инструментов является метод психофизиологических исследований (далее – ПфИ) с применением полиграфа – «детектора лжи».

По имеющимся официальным данным, впервые в новейшей истории нашей страны, полиграф стали применять, для оценки сообщаемой человеком информации в органах государственной безопасности в 1975 г. [11]. В МВД полиграф появился в 1993 г. [11], в министерстве обороны России в 1998 г. [11], в 2009 г. метод ПфИ был принят в арсенал средств по борьбе с преступностью Следственным комитетом при прокуратуре Российской Федерации.

В настоящее время практика применения полиграфа в Российской Федерации растёт из года в год, как в коммерческой сфере, так и в правоохранительных органах страны.

Важную роль в исследования с применением полиграфа играют условия, в которых проводится тестирование на полиграфе (далее – ТнП). Условия ТнП описаны в специализированной литературе, а также в ведомственных инструкциях по применению метода.

Существует целый перечень факторов, при которых применение метода невозможно, а в ряде методических пособий и ведомственных инструкций прямо запрещается применение полиграфа в следующих случаях.

1. Физического или психологического истощения исследуемого лица.
2. Наличия у исследуемого лица психического расстройства или фазы обострения заболевания, связанного с нарушением деятельности сердечно-сосудистой либо дыхательной системы.
3. Нахождение исследуемого лица в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.
4. Регулярного употребления исследуемым лицом сильнодействующих лекарственных препаратов или психоактивных веществ.
5. Наличия у исследуемого лица болевого синдрома, связанного с обострением какого-либо заболевания.
6. Нахождения женщины во второй половине периода беременности.
7. Если возраст подэкспертного лица менее 18 лет.

Очевидно, что полиграфолог, в подавляющем большинстве случаев не имеющий медицинского образования, находящийся в строгих условиях применения метода, квалифицированно выявить обстоятельства, характеризующиеся пунктами 1–5, не сможет.

В специальной литературе сделана попытка решения данной проблемы путём получения в ходе беседы с исследуемым, сведений о его здоровье [9]. Однако способ, предложенный авторами, вряд ли окажет содействие полиграфологу при оценке состояния здоровья исследуемого лица: в этом случае суждение специалиста будет основано на субъективных оценках на уровне бытовых представлений. Кроме этого, перечень ситуаций, когда применение полиграфа недопустимо, настолько широк, что предложенный способ создает практически

неограниченные возможности недобросовестному исследуемому избежать применения полиграфа под вполне благовидным предлогом, лишь сославшись на неудовлетворительное состояние здоровья по одному из выше перечисленных пунктов.

Кроме приведённых факторов, на возможность корректного применения метода ПфИ существенное влияние оказывают индивидуально-психологические особенности исследуемого лица, а также нарушения мышления; эмоционально-волевые особенности (эмоциональная неустойчивость); нарушения памяти и ригидность психических процессов (трудности врабатывания в задание и нарушения переключения внимания). Проведение ТнП с лицами, обнаруживающими указанные выше факторы риска, сопряжено со значительными трудностями, а в ряде случаев, при значительной выраженности, не представляется возможным [2].

Несомненно, что полиграфолог, обладающий знаниями в области психологии, без применения специальных методов исследования психики человека (психологическая беседа, тестирование, эксперимент и пр.) не может выносить каких-либо ответственных суждений об индивидуально-психологических особенностях исследуемого лица, а условия применения полиграфа не позволяют полноценно использовать весь комплекс психологических исследований направленных на получение необходимых сведений.

В мировой и отечественной науке уже предпринимались усилия оценить влияние психологических особенностей и психопатологических состояний исследуемых на ход и результаты ТнП, однако на сегодняшний день данная проблематика остаётся мало разработанной.

Можно с уверенностью говорить, что на возможность применения метода также существенное влияние оказывают условия в помещении, в котором проводится исследование с применением полиграфа. Такое помещение должно обеспечивать минимизацию негативных внешних воздействий на исследуемое лицо: площадь 14–15 м^2, высота помещения не менее 2,5 м, температура 21–23°С, влажность около 30–60 %, шумоизоляция, нейтральный мягкий цвет стен и потолка, отсутствие на стенах каких-либо изображений и предметов. В прямое поле зрения исследуемого не должны попадать окна или двери. В противном случае они должны быть занавешены плотными однотонными шторами не яркого оттенка [8].

Очевидно, что полиграфолог может оценить эти условия в помещении лишь приблизительно. В настоящее время проблема влияния внешних условий на возможность применения полиграфа практически не изучена.

В специальной литературе для решения этой проблемы в ходе проведения беседы с исследуемым рекомендуется «выявление обстоятельств, препятствующих проведению ПФИ», оценивать «уровень эмоционального возбуждения обследуемого» [6, с. 12–13]. Однако в условиях применения метода ПфИ, даже обладая профессиональными знаниями в области медицины, психологии и инженерии, полиграфологу не возможно корректно диагностировать наличие самих факторов, оказывающих дестабилизирующее воздействие на исследуемое лицо.

Поэтому логичным и целесообразным представляется иной подход к решению данного вопроса – усилия полиграфолога должны быть направлены не на диагностику самих негативных факторов, а на оценку их влияния на состояние испытуемого на протяжении всего процесса применения полиграфа. Установление пригодности (адекватности) психофизиологического состояния человека (с учётом состояния здоровья и индивидуально-психологических особенностей) и условий внешней среды для применения метода ПфИ является одной из приоритетных задач, которую должен решить специалист в ходе исследования. И возможность решения такой задачи у опытного полиграфолога имеется.

Предпринятый в конце 1970-х – начале 1980-х гг. отечественными специалистами анализ технологии одной из методик ПфИ позволил выявить некое единое явление, лежащее в основе этой и иных методик тестирования на полиграфе. Этому явлению было дано наименование «психофизиологический феномен».

Психофизиологический феномен (далее – ПФ) заключается в том, что внешний стимул (вопрос, слово, предмет, фотография и т. п.), несущий человеку значимую в конкретной ситуации информацию о событии, запечатленном в его памяти, устойчиво вызывает физиологическую реакцию, превышающую реакции на родственные (однородные) стимулы, предъявляемые в тех же условиях, но не связанные с упомянутым событием и не несущие человеку ситуационно значимой информации [10].

Анализ работ в области экспериментальной и прикладной психофизиологии позволил установить, что ПФ в том виде, как он сформулирован, не является «частной собственностью» метода ПфИ и наблюдается не только в ходе тестировании человека на полиграфе, но и при некоторых иных методических условиях. Психофизиологический феномен устойчиво наблюдается в ходе деятельности лиц операторских специальностей (диспетчеры аэропортов, операторы радиолокационных станций и т. п.) при выполнении заданий по обнаружению, опознанию или классификации целей, объектов и проч. ПФ, реализуемый в этих условиях, изучен

достаточно хорошо в инженерной психологии, а результаты проведенных исследований изложены в работах ученых Института психологии РАН [7]. Психофизиологический феномен можно наблюдать в условиях подпорогового (субсенсорного) восприятия, когда психика человека тестируется субъективно значимыми для него, но неосознаваемыми стимулами. Примеры многоканальной регистрации ПФ в этих условиях широко представлены в работах, выполненных в 70–80-е гг. XX в. под руководством Э.А. Костандова [3]. В конце 70-х гг. прошлого века явление субсенсорного восприятия в условиях сна было смоделировано Ю.И. Холодным, занимавшимся изучением психофизиологических механизмов ПфИ с применением полиграфа.

Многие экспериментальные данные свидетельствуют о существовании определенной зависимости эффективности деятельности от состояния человека. На этом основании учёные (В.И. Медведев, А.Б. Леонова) и предлагают определять состояние через деятельность [1].

Участвуя в исследовании с применением полиграфа, человек осуществляет определенную деятельность, которая заключается в выполнении инструкций полиграфолога: исследуемый неподвижно сидит в кресле, смотрит прямо перед собой, не закрывает глаза, слушает вопросы, отвечает на них только ответами «Да» или «Нет». Также он понимает смысловое содержание вопросов программы тестирования, присваивает значимость тому или иному стимулу и физиологически реагирует на них.

На основании изложенного можно сделать важный вывод – для корректного применения метода необходимо, чтобы у исследуемого в ходе всего процесса тестирования на полиграфе устойчиво проявлялся психофизиологический феномен: явление, когда физиологические реакции на значимый стимул были бы более выражены, чем реакции на незначимые (нейтральные) стимулы. В этом случае исследуемый эффективно выполняет текущую деятельность – проходит тестирование на полиграфе.

Именно на проявление психофизиологического феномена оказывают негативное влияние неудовлетворительное психофизиологическое состояние исследуемого лица и воздействие на него внешних условий тестирования. Так, следствием психологической или физиологической истощенности может явиться отсутствие выраженных физиологических реакций в ответ на предъявление стимулов, в том числе субъективно значимых. При наличии у исследуемого лица нарушений эмоционально-волевой сферы, ригидности психических процессов, в результате приёма сильнодействующих лекарственных препаратов или психоактивных веществ можно наблюдать максимальную выраженность реакций не только на значимые, но и на нейтральные стимулы. Болевой синдром, заболевание, связанное с нарушением деятельности сердечно-сосудистой либо дыхательной системы, неудовлетворительная шумоизоляция помещения или некомфортный для исследуемого лица температурный режим может вызывать беспорядочное появление физиологических реакций, как на значимые, так и на нейтральные стимулы. Последняя форма негативного воздействия более других затрудняет принятие решения по результатам проведённого исследования и приводит к ошибочным выводам.

Таким образом, если при проведении психофизиологического исследования с применением полиграфа специалист будет контролировать воздействие всех, вероятно имеющихся, негативных факторов на возможность проявления у исследуемого лица психофизиологического феномена, то он сможет судить о пригодности текущего психофизиологического состояния испытуемого к применению метода ПфИ.

Установить пригодность психофизиологического состояния человека возможно с помощью служебных (контрольных) вопросников [8], которые используются в технологии тестирования на полиграфе и позволяют контролировать проявление ПФ в ходе всего процесса исследования.

Кроме этого служебные вопросники применяются в целях адаптации человека к процедуре тестирования, выявления симптомокомплекса и возможного противодействия исследуемого процедуре ТнП, а также для метрической (измерительной) оценки графиков физиологических реакций [8]. Служебные вопросники предъявляются исследуемому лицу не менее 3-х раз со сменой порядка предъявляемых стимулов.

По своей организационно-логической структуре служебные вопросники могут относиться к методике выявления скрываемой информации (МВСИ) и методике контрольных вопросов (МКВ). При составлении программы психофизиологического исследования с применением полиграфа целесообразно применять служебные вопросники той методики, тесты которой преобладают на конкретном этапе ТнП.

В момент предъявления служебного вопросника у полиграфолога появляется возможность наблюдать за проявлением психофизиологического феномена у исследуемого лица, а значит определять пригодность его текущего психофизиологического состояния, с учётом совокупного влияния всех, вероятно имеющихся, негативных дестабилизирующих факторов, оказывающих воздействие на человека в конкретный этап тестирования на полиграфе.

Если предъявлять служебные вопросники на протяжении всего процесса исследования, через каждые 2–3 проверочных вопросника, то можно контролировать

динамику пригодности психофизиологического состояния человека в ходе применения метода ПфИ.

В результате такой работы полиграфологом решается задача по общей оценке пригодности психофизиологического состояния исследуемого лица при конкретном исследовании с применением полиграфа.

В 2001 г. органы военной прокуратуры впервые выступили инициаторами проведения ПфИ в форме судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. В настоящее время известны уже десятки случаев, когда результаты СПфЭ были признаны доказательствами судами различных инстанций, в том числе военной коллегией и коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации [4].

В этой связи проблема установления пригодности психофизиологического состояния человека при производстве судебно-психофизиологических экспертиз с применением полиграфа приобретает особое звучание. В случае если эксперт-полиграфолог не контролировал на протяжении всего процесса экспертного исследования пригодность психофизиологического состояния подэкспертного лица, то результаты экспертизы могут быть признаны недостоверными, что потребует исключение заключения эксперта из доказательной базы по делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилова Н.Н. Психофизиологическая диагностика функциональных состояний. – М.: Изд-во МГУ, 1992.
2. Козлов И.С. Методологические аспекты применения опроса с использованием полиграфа в практике // Юридическая психология. – М.: Изд-во «Юрист», 2010. – № 3.
3. Костандов Э.А. О физиологических механизмах «психологической защиты» и безотчетных эмоций. Бессознательное. – Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1978.
4. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – М.: Изд-во «Закон и право», 2008.
5. Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. – М.: Изд-во МГУ, 1984.
6. Методика по проведению психофизиологических исследований с использованием полиграфа в кадровой работе, оперативно-розыскной деятельности и уголовном производстве. МВД РФ. Академия управления МВД РФ. БСТМ МВД РФ. – М., 2008. – С. 12–13.
7. Методики диагностики психических состояний и анализа деятельности человека / под общ. ред. Л.Г. Дикой. – М.: Изд-во ИП РАН, 1994.
8. Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс. – Ярославль: Изд-во «Нюанс», 2004.
9. Сошников А.П., Комиссарова Я.В., Пеленицын А.Б., Федоренко В.Н. Полиграф в практике расследования преступлений: методические рекомендации. – М., 2008.
10. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы // Полиграф в России 1993–2008. Ретроспективный сборник научных статей, посвящённый 15-летию применения полиграфа в РФ. – М: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008.
11. Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений. – М.: Изд-во «Мир безопасности», 2000.
12. Тел. (863) 246-89-45

О ВЗАИМОСВЯЗИ МОТИВАЦИОННЫХ И АУТОРЕГУЛЯТОРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Крайненко А.Б.

Работа посвящена рассмотрению эмоционально-психологических особенностей личности, ценностно-смысловых и эмоционально-волевых сфер психики несовершеннолетних осужденных.

Ключевые слова: *эмоционально-психологические особенности личности, ценностные ориентации и саморегуляция, несовершеннолетние осужденные.*

Преступность в России неуклонно растет с конца 80-х годов. К сожалению, увеличивается не только общая преступность, но и преступность несовершеннолетних.

По данным Боулби, половина всех осужденных судами за совершение преступлений имеет возраст менее 21 года, а среди подростков моложе 14 лет правонарушители составляют более одной шестой.

К сожалению, искоренить преступность в принципе невозможно, но вполне реально снизить ее уровень, особенно среди молодежи. И на сегодняшний день это одна из самых актуальных и социально значимых задач, которая стоит перед нашим обществом.

Последние годы пенитенциарная система претерпевает множество изменений. При улучшении качества содержания и воспитания несовершеннолетних осужденных необходимо обеспечить индивидуальный подход к ним, учитывая эмоциональные особенности личности подростка, его эмоционально-волевую и ценностно-смысловую сферы.

Для выявления тех внутренних, субъективных причин, которые привели данного человека к совершению конкретного преступления, необходимо знание особенностей психических состояний и свойств личности несовершеннолетних осужденных. Также эти знания способствуют правильной организации взаимоотношений между воспитанниками, воспитанию положительных нравственных качеств личности и торможению отрицательных.

Имеющиеся в литературе данные об исследованиях психологических особенностей личности несовершеннолетних осужденных позволяют утверждать, что мы имеем дело с чрезвычайно сложной формой социального поведения, детерминированного системой взаимосвязанных факторов. К настоящему времени накоплены обширные сведения по данному вопросу в различных научных дисциплинах: медицине, биологии, педагогике, психологии, социологии, праве. В некоторых отраслях знания выделяются специальные подразделы, изучающие девиации несовершеннолетних.

К настоящему времени имеются несомненные успехи в исследовании проблем подростково-молодежной преступности: изучается структура индивидуального преступного поведения (Н.А. Алемаскин, А.И. Долгова, А.А. Кокуев, В.В. Королев, И.А. Кудрявцев, О.Ю. Михайлова и др.), мотивация антиобщественного и преступного поведения (С.А. Беличева, П.Н. Ермаков, А.Е. Личко, О.А. Падун, Д.И. Фельдштейн и др.), особенности потребностно-ценностной сферы (Г.М. Бочкарева, Г.М. Миньковский, А.Р. Ратинов, А.А. Реан, А.М. Яковлев и др.).

К сожалению, еще не создано единой теории отклоняющегося поведения. Существуют также различные взгляды на природу преступного поведения. Например, западные криминологи в настоящее время больше склоняются к социально-психологическим теориям преступности.

В популярной литературе иногда утверждается, что девять десятых подростков-правонарушителей вырастают в криминогенных и слабых семьях. На самом деле такие семьи дают не более 30–40 % преступности. Преувеличивается также и связь правонарушений подростков со структурой семьи – в последние два десятилетия две трети подростков-преступников росли в полных семьях. А в тех случаях, когда развод происходит вследствие пьянства или аморального поведения одного из родителей, это способствует не ухудшению, а оздоровлению условий воспитания детей [3].

Влияние неблагоприятных социальных факторов в семье (злоупотребление родителей спиртными напитками, наркомания, антиобщественные поступки и др.) также не всегда однозначно сказывается на развитии личности детей. Эти факторы, напротив, могут сформировать устойчивую установку «жить по-другому, стать иным, чем родители».

Многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых показывают, что значительное количество преступников обладают однородными психологическими свойствами, среди которых ведущими являются импульсивность, агрессивность, гиперчувствительность в межличностных взаимоотношениях, отчужденность и плохая социальная приспособленность (Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов, В.Ф. Пирожков, К. Бартол, Р. Блэкборн).

Сочетание этих свойств с негативным содержанием ценностно-нормативной системы «имеет криминогенное значение и специфично именно для преступников», а, следовательно, для осужденных [1, с. 366].

Многие пенитенциарные психологи ориентируются на *теорию криминальности* известного английского психолога Г. Айзенка, используя его личностные опросники EPI и EPQ. Сочетание высокого уровня экстраверсии, нейротизма и психопатии (враждебность, равнодушие к чувствам других, жестокость) существенно коррелирует с поведением насильственных преступников [8].

Однако важно отметить, что эти индивидуально-психологические свойства не являются фатальными признаками личности преступника, а выступают лишь в роли «ускорителя» (предпосылки) преступного поведения. Подкрепить это можно двумя доводами: во-первых, у значительного числа законопослушных граждан имеются данные свойства, во-вторых, у многих насильственных преступников не выявляются криминально значимые личностные свойства (высокий уровень экстраверсии, нейротизма и т. п.). Кроме того, имеются даже парадоксальные, на первый взгляд, факты – усредненный личностный профиль сотрудников спецподразделений (отрядов милиции особого назначения, отрядов специального назначения) имеют одинаковую конфигурацию (одни и те же повышенные показатели) с осужденными за насильственные преступления. Это говорит о том, что особенности их поведения, агрессивность, эмоциональные реакции, стремление к риску, доминированию, самоутверждению, успеху относительно одинаковы. Но сотрудники правоохранительных органов ориентированы на общественно значимые ценности и реализуют свою активность в социально приемлемых формах, а осужденные (преступники) находят применение своих задатков в противоправной деятельности [2].

Поэтому в каждом случае требуется углубленный психологический анализ сочетания индивидуальных свойств личности, ценностных ориентаций осужденных и их способности контролировать свое поведение, ведь личностные особенности влияют на деятельность не непосредственно, а через сложившиеся индивидуальные способы саморегуляции активности [4].

Проблема саморегуляции психических состояний при отклоняющемся поведении привлекает внимание многих исследователей (С.А. Беличева, Т.В. Кириченко, Н.Д. Левитов). В вопросе о детерминации поведения имеет большое значение изучение такого источника активности личности, как воля. Если в зарубежных исследованиях роль воли, как правило, игнорируется, а волевые проявления личности сводятся к мотивационным, то в отечественной психологии понятие воли не только сохраняется, но и приобретает все большее значение, как в теоретическом, так и в практическом плане. Многими учеными неоднократно подчеркивалась необходимость рассматривать волю в ее содержательном и функциональном единстве с другими источниками активности личности (Л.И. Божович, В.И. Селиванов, Л.С. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Д.Н. Узнадзе и др.).

В то же время ценностные ориентации являются одним из важнейших образований в структуре направленности личности, определяющим ее отношение к объектам социального окружения (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Д.Н. Узнадзе). Исследование сущности и функций ценностных ориентаций является частью более широкой проблемы, описываемой понятием диспозиционной системы личности, которая является одним из существенных регуляторов поведения личности и которая формируется в процессе ее деятельности посредством отражения и присвоения социальных ценностей.

В социально-психологических и психолого-педагогических исследованиях изучаются структура и динамика ценностных ориентаций личности в подростковом возрасте (Л. Козер), взаимосвязи ценностных ориентаций с индивидуально-типическими и характерологическими особенностями личности, с профессиональной направленностью (Р. Клауорд, Л. Оулин) и т. д. Однако мы не встречали работ, посвященных изучению особенностей ценностно-смысловой и ауторегулятной систем и их взаимосвязи.

По результатам ранее проведенного нами исследования, включающего в себя анализ материалов уголовных дел, психологическое тестирование и цикл психологических консультаций, целью которого явилось изучение особенностей психологического консультирования и его влияния на индивидуально-психологические состояния несовершеннолетних осужденных, мы пришли к следующим выводам.

Исследование проводилось в Азовской воспитательной колонии (АВК) и включало несколько этапов.

1. Изучение социально-демографических характеристик несовершеннолетних осужденных.
2. Проведение диагностики эмоционально-психологических особенностей несовершеннолетних осужденных.
3. Организация системы индивидуального консультирования по результатам диагностики.
4. Проведение психологической диагностики после реализации цикла индивидуального психологического консультирования.
5. Проведение сравнительного анализа результатов диагностики до и после цикла индивидуального психологического консультирования.

Обычно несовершеннолетние совершают не более 23–25 видов преступлений. Чаще всего они совершают преступления против собственности (кража, мошенничество, грабеж, разбой, вымогательство, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, умышленное уничтожение или повреждение имущества). Значительно реже – преступления против общественной безопасности и здоровья населения (хулиганство, незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ, незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств). Меньше всего регистрируется преступлений против личности (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта, изнасилование). Эти три категории преступлений образуют структуру основного статистического массива преступности несовершеннолетних.

Преступность несовершеннолетних остается относительно автономной, хотя и растет уровень их вовлеченности в преступную деятельность взрослых. В последние годы при соучастии взрослых подростки совершили менее 30 % всех расследованных преступлений.

В эмоционально-психологическом плане большинство воспитанников АВК характеризуются высоким уровнем тревожности. Это проявляется в доминировании тревожно-депрессивного фона настроения, озабоченности, подавленности. Они высокочувствительны к реакциям окружающих, легко поддаются эмоциям, не чувствуют себя принятыми в группе, нуждаются в поощрении, поддержке. Подростки эмоционально неустойчивы, напряжены, беспокойны, возбуждены, неусидчивы, чувствуют себя разбитыми и усталыми, их настроение, как правило, понижено. Также воспитанники с высоким уровнем тревожности характеризуется более низким уровнем функционального состояния. У них практически на одинаково низком уровне самочувствие, активность и настроение.

В цикле психологических консультаций воспитанники колонии наиболее часто обращались с вопросами, касающимися взаимоотношений со сверстниками, отношений с родителями, переживаний, связанных с содеянным, а также с учебными и профессиональными проблемами и с проблемой адаптации в учреждении. Проведение цикла консультирования привело к положительным изменениям в эмоциональной сфере осужденных, это, прежде всего, снижение в обеих группах уровня ситуативной тревожности. После психологических консультаций у воспитанников произошли изменения в сторону повышения эмоциональной стабильности, повышения контроля над своими эмоциональными проявлениями. У них улучшилось самочувствие и настроение, повысилась активность, снизился индекс враждебности, негативизма, чувства вины, подозрительности и обиды. И, самое главное, воспитанники колонии стали более сдержанно проявлять свои реакции в отношении друг друга. Это является значимым показателем для них, так как именно из-за неконтролируемого проявления своих реакций они находятся в АВК.

Можно полагать, что комплекс таких личностных черт, как отчетливое доминирование определенных эмоционально-психологических свойств (эмоциональная неустойчивость, враждебность, замкнутость и др.), неспособность контролировать проявления своих реакций в сочетании с дефектами ценностно-смысловой сферы, может объяснить особенности поведения несовершеннолетних осужденных.

Кроме того, имеется немало эмпирических и теоретических данных, свидетельствующих о наличии установочных механизмов регуляции социального поведения личности (А.Н. Леонтьев, М.С. Неймарк, В.Н. Мясищев, Д.Н. Узнадзе, Ф.В. Бассин). Согласно теории Д.Н. Узнадзе, установка представляет собой целостно-личностное состояние готовности, настроенности на поведение в данной ситуации и для удовлетворения определенной потребности [6]. Социальная установка связана с определенной (социальной) потребностью и условиями деятельности, в которых потребность может быть удовлетворена. В результате повторения ситуации, в которой данная потребность может быть реализована, установка личности закрепляется, фиксируется. Установка, потребности и ситуации деятельности образуют иерархические системы [7]. Целенаправленная последовательность поступков образует поведение в той или иной сфере деятельности, где человек преследует существенно более отдаленные цели, достижение которых

обеспечивается системой поступков. И, наконец, целостность поведения в различных сферах и есть собственно деятельность во всем объеме. Целеполагание на этом уровне представляет собой некий «жизненный план», важнейшим элементом которого выступают отдельные жизненные цели, связанные с главными социальными сферами деятельности человека в области труда, познания, семейной и общественной жизни. Так нам видится взаимосвязь интенциональных и ауторегуляторных механизмов.

Система ценностных ориентаций является важным регулятором активности человека, поскольку она позволяет соотносить индивидуальные потребности и мотивы с осознанными и принятыми личностью ценностями и нормами социума. Наряду с другими социально-психологическими образованиями ценностные ориентации и личностные смыслы выполняют функции регуляторов поведения и проявляются во всех областях человеческой деятельности [5].

Выявление и понимание причин противоправного поведения необходимо для составления программ психологической коррекции, для возможности прогнозировать поведение осужденных и осуществлять индивидуальный подход в воспитательной работе.

На основе исследованной литературы, а также описанного выше собственного исследования, мы пришли к выводу о целесообразности проведения более углублённого изучения особенностей сочетаний интенциональных и ауторегуляторных свойств личности несовершеннолетних осужденных как комплексных детерминант криминального поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М.: Юристъ, 1996.
2. Дебольский М.Г. Основные направления психологического обеспечения работы с кадрами // Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко. – М., 2001.
3. Ермаков В.Д. Деятельность государственных органов и общественных организаций по улучшению условий проведения досуга и индивидуально-профилактической работы с несовершеннолетними по месту жительства // Совершенствование системы мер предупреждения правонарушений несовершеннолетних по месту жительства. – М., 1985.
4. Моросанова В.И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 6. – С. 5–17.
5. Петровский А.В. Теоретическая психология. – М., 2001.
6. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки.
7. Ядов В.Л. О диспозиционной регуляции социального поведения // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. – С. 197–215.
8. The Scientific Study of Human Nature: Tribute to Hans J. Eysenck at Eighty / Ed. by H. Nyborg. – Pergamon, 1997.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Бутенко В.С.

В данной статье автором рассматривается проблема создания системы психологического сопровождения Южного федерального университета. Анализируются принципы построения аналогичной системы в других вузах. Намечаются основные направления работы и организационные основы службы психологического сопровождения ЮФУ.

Ключевые слова: *психологическое сопровождение, университет, психологическая служба, безопасная образовательная среда.*

Одной из основных целей развития Южного федерального университета является удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии посредством получения высшего и (или) послевузовского профессионального образования. Реализация указанной цели немыслима сегодня без целенаправленной социально-психолого-воспитательной работы со студентами.

Многими исследователями – психологами и педагогами, практиками отмечалось, что обучение в высшем учебном заведении – важнейший этап социализации молодежи, связанный с формированием социально-зрелой личности. Переход от школьного обучения к обучению в вузе сопряжен с дезадаптивными тенденциями в жизни человека, а также с изменениями ценностно-смысловых ориентации у студентов, связанных с необходимостью адаптации к новым условиям: новая социальная среда, новый коллектив, новые требования, новые перспективы. Эта новая ситуация требует от молодых людей перехода на иной уровень отношений как с собой, так и с другими людьми.

В этой ситуации студентам просто необходима и психологическая помощь, и помощь коллег («старших товарищей»), помощь всего педагогического коллектива, родных и пр. При этом необходимо констатировать, что учащиеся, зачастую, бывают лишены самой элементарной поддержки в этот период. Особенно тяжело приходится тем, кто вынужден переселяться в общежитие (т. е. у них изменяется место учебы, изменяется место жительства, круг общения – фактически полностью меняется вся жизнь).

Но не только первокурсники нуждаются в мерах психологической поддержки. На каждом курсе обучения перед студентами встает необходимость принимать решения, от которых, нередко, зависит и успешность профессиональной карьеры. А это тот уровень ответственности, который готовы принять далеко не все. Нельзя также упускать из виду, что в студенческом возрасте важное место занимают романтические отношения, последствия которых могут варьироваться от «счастливых мгновений» и «приятных воспоминаний» до депрессии и ухода из университета. Поэтому недооценивать актуальность и значимость психологической поддержки студентов мы не имеем права.

Необходимо признать, что психологическая поддержка в Южном федеральном университете находится на недопустимо низком уровне (как, впрочем, и в практически любом вузе России). Особенно это ощущается в общежитиях университета, в которых на настоящий момент проживает до 2800 человек и ближайшие годы будет сдано еще 2000 новых мест, и таким образом, в общежитиях университета будут проживать уже около 5000 человек. Одновременно с этим на факультетах ЮФУ, расположенных в городе Ростове-на-Дону, ежедневно учится более 16 тысяч студентов дневной формы обучения (в том числе 400 иностранцев). Это сопоставимо с населением небольшого города. Поэтому корректно будет говорить, что объективно назрела необходимость разработки и запуска системы психологического сопровождения и поддержки учащихся Южного федерального университета.

Обратимся к опыту других вузов. В настоящее время не во всех российских высших учебных заведениях существуют и действуют психологические службы. В некоторых имеется возможность получения психологической поддержки от преподавателей-

психологов в индивидуальном порядке, которые ведут практическую деятельность, но вне определенной организационной структуры.

Если исходить из кадрового состава психологических служб российских вузов, можно выделить несколько вариантов построения работы психологических служб:

- сотрудниками психологических служб являются только представители профессорско-преподавательского состава вуза;
- деятельность психологической службы осуществляется преподавательским составом с подключением заинтересованных студентов и иных участников образовательного процесса;
- психологическая помощь осуществляется студентами с консультативной помощью преподавателей;
- психологическая помощь участникам образовательного процесса осуществляется сторонней организацией.

Как в нашей стране, так и за рубежом психологическая поддержка обеспечивается, как правило, путем сочетания различных организационных форм работы. Также, учитывая потребителя психологической помощи, можно выделить следующие модели психологических служб:

- психологические службы, оказывающие помощь всем участникам образовательного процесса;
- психологические службы, оказывающие помощь кому-то из участников образовательного процесса (например, студентам).

Оказание психологической помощи в вузе – задача комплексная, поскольку практика показывает, что психологическая помощь наиболее эффективна в сочетании с другими направлениями поддержки – юридической, педагогической, медицинской. Как в нашей стране, так и за рубежом психологическая поддержка обеспечивается, как правило, путем сочетания различных организационных форм работы.

В настоящее время накоплен определенный опыт деятельности современной российской психологической службы в высшем образовании. Анализ отечественного и зарубежного опыта позволил В.В. Рубцову (2003) выявить ряд проблем совершенствования деятельности психологов-практиков в рамках работы психологических служб и возможные направления развития:

- структурирование системы психологической службы образования и создание головной координирующей организации;
- улучшение системы многоуровневой профессиональной подготовки квалифицированных специалистов в системе высшей школы;
- разработка единого образовательного стандарта подготовки специалистов практической психологии образования с присвоением соответствующей квалификации;
- совершенствование системы переподготовки и повышения квалификации кадровых сотрудников психологических служб;
- создание единой системы критериальной аттестации кадров психологической службы;
- разработка типовых положений о психологической службе в образовательных учреждениях различного типа;
- усиление научного и методического обеспечения работы психологической службы, проведение теоретических и прикладных исследований, издание учебников и иных учебно-методических пособий.

Психологическая служба в любом организационном исполнении должна обеспечивать своевременное выявление и максимально полное использование в обучении и воспитании студентов их интеллектуального и личностного потенциала, имеющихся задатков, способностей, интересов и склонностей. Она должна способствовать формированию у студенческой молодежи навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях.

Модель психологической сопровождения высшего учебного заведения применительно к Южному федеральному университету должна быть динамичной, вариативной, иметь возможность постоянной адаптации к изменениям образовательной среды и меняющимся требованиям, чему в полной мере отвечает модульный подход к построению эффективной модели психологической сопровождения вуза. При модульном подходе служба психологического сопровождения может рассматриваться как упорядоченная организация функциональных модулей. Модуль – часть технологии психологического сопровождения в образовательном учреждении, обеспечивающая реализацию некоторой жизненно важной, полезной функции или группы близких функций конкретного психологического сопровождения или самого учебного заведения. Модуль включает специфические методики, работы и процедуры. Так, исходя их функций психологической службы высшего образования, можно выделить четыре основных модуля.

Модуль работы со студентами, включающий в себя проведение различных тренинговых занятий, в том числе для адаптации первокурсников; индивидуальных консультаций; исследований направленных на анализ психологических и социально-психологических особенностей студентов и учебных групп; семинаров и других мероприятий, направленных на повышение психологической культуры; работу со студенческими организациями.

Модуль работы с профессорско-преподавательским составом, который включает проведение индивидуальных консультаций; исследований направленных на изучение психологического климата в коллективе, анализ стиля преподавания и особенностей взаимодействия со студентами; привлечение преподавателей в качестве экспертов для участия в мероприятиях, содействующих повышению психологической культуры студентов; взаимодействие с преподавателями по оптимизации учебно-воспитательного процесса.

Модуль научной работы, содержащий проведение социально-психологических исследований студентов и учебных групп; регулярных социологических опросов для оценки удовлетворенности качеством образования и выявления общественного мнения по важным вопросам функционирования университета; осуществление мониторинга образовательной среды университета; организацию конференций, круглых столов, семинаров и иных форм обмена опытом; разработку индивидуальных занятий и тренингов для студентов; проведение занятий по подготовки волонтеров психологической службы; работу по содействию в проведении исследований для написания курсовых и дипломных работ.

Модуль административной работы, обеспечивающий управление работой службы; анализ качественных и количественных показателей деятельности службы, а также значимых результатов научных исследований; планирование деятельности службы; информационную работу.

В образовательной среде университета служба психологической поддержки выполняет двуединую задачу: психологическое сопровождение участников образовательного процесса, и содействие повышению психологической безопасности образовательной среды. Подобный подход обеспечивает, с одной стороны, целостность системы психологического сопровождения, а с другой – расширение возможностей компетентностного выбора личностью жизненного пути и саморазвития, содействует ориентации личности многообразных жизненных ситуациях.

Функционально работа службы психологической поддержки разделяется на два магистральных направления – ситуационное и стратегическое.

Ситуационное направление ориентировано на решение актуальных проблем, связанных с теми или иными трудностями в обучении и воспитании студентов.

Стратегическое направление нацелено на развитие, самовоспитание личности и индивидуальности каждого студента, на формирование его психологической готовности к социализации, к созидательной профессиональной жизни в обществе. Эти два направления неразрывно связаны между собой: психологи, решая стратегические задачи, постоянно оказывает конкретную актуальную помощь нуждающимся в ней студентам и преподавателям.

Построение службы психологической поддержки решает следующие задачи:

– психологическая работа с обучающимися по программе непрерывного сопровождения, включая диагностику и коррекцию, в групповой и индивидуальной формах;
– психологические исследования учебно-воспитательного процесса и коррекция содержания методов обучения;
– повышение психологической культуры и психологическое просвещение (распространение психологических знаний и методов, которые смогут на протяжении всей жизни содействовать личностному росту и развитию профессионально значимых качеств студентов университета);
– подготовка актива студентов–психологов и студентов иных специальностей для волонтерской работы по принципу «равный–равному»;
– консультативная работа.

Результатом работы службы психологической поддержки станет улучшение психологического климата в учебных группах, повышение успеваемости и мотивации к профессиональной и учебной деятельности у студентов. Таким образом, работа службы психологического сопровождения направлена, во-первых, на развитие личности студента и, во-вторых, на повышения качества и результативности образовательного процесса, способствуя тем самым, достижению целей и задач, стоящих перед Южным федеральным университетом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кислова В.С. Особенности психологического сопровождения студентов университета в условиях рисков модернизации высшего образования: автореф. дис. канд. псих. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 23 с.
2. Практическая психология образования: учебное пособие: 4-е изд. / под ред. И.В. Дубровиной. – СПб.: Питер, 2009. – 592 с.
3. Психологическая служба в современном образовании / под ред. И.В. Дубровиной. – СПб.: Питер, 2009. – 400 с.
4. Рубцов В.В. Служба практической психологии образования: современное состоянии и перспективы развития // Вопросы психологии. – 2003. – № 6. – С. 32–40 с.
5. Рубцов В.В., Малых С.Б., Марголис А.А. Перспективная модель интеграции психологической науки, образования и практики на базе Психологического института РАО // Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 93–103 с.

ШКОЛА ПОЛНОГО ДНЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВВ.: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Дубовер Д.А.

В данной статье автор раскрывает основные вехи становления и развития школ полного дня в России. Указываются различные причины, повлиявшие на появление данной педагогической модели в системе современного образования. Рассматривается современное положение школ полного дня и предлагаются пути дальнейшего развития.

Ключевые слова: *школа полного дня, школа продленного дня, личностно-ориентированное обучение, индивидуальная траектория.*

Школьное образование в современной России проходит период всесторонней модернизации. Она касается как фундаментальных образовательно-воспитательных аспектов, так и вопросов организации учебного времени и пространства, призванных сегодня улучшить уровень образования, способствовать в освоении базовых компетенций, а также создать наиболее благоприятную среду для жизнедеятельности школьников. Данным требованиям в полной мере соответствует модель школы полного дня.

Проводя экскурс в историю отечественной педагогики, можно увидеть, что данная модель не является для нашей страны новой. Так, мы можем встретить первые опыты в организации полдневного обучения еще в XVIII в. В середине XX в. школы с продленным днем приобрели особую популярность и внедрялись в систему советской педагогики повсеместно. Тем не менее в 80–90-е гг. XX в. данная организация режима школьного дня практически полностью дискредитировала себя в обществе, приобрела негативное название «продленка», и была сведена только к выполнению домашних заданий и присмотру за детьми в течение нескольких часов после обеда. Полнодневное обучение всецело перешло в компетенцию частных коммерческих школ, которые ввиду определенных причин охватывали незначительное количество школьников. Однако сегодня данный педагогический концепт получает новый импульс к развитию, давая ответы на важнейшие запросы современного информационного постиндустриального общества.

Значительная актуальность и востребованность модели школ полного дня в структуре российского образования обусловлена целым рядом факторов. В первую очередь, следует отметить острую необходимость в опеке над школьниками в послеобеденное время, помощь работающим родителям, не имеющим возможности обеспечить уход за ребенком после школы, социализации детей мигрантов, повышение образовательного и когнитивного уровня учеников, создание условий для укрепления физического и психического здоровья детей и подростков и много другой.

Первый опыт организации школ полного дня в начале XX в.

Первым опытом по созданию групп полного дня в начале XX в. стала организация в 1905 г. летней школы С. Шацким. Помимо лекций и уроков педагоги организовывали занятия музыкой, устраивали прогулки и экскурсии, уделяли большое значение трудовому воспитанию. В 1911 г. была организована колония «Бодрая жизнь» [6]. В 1919 г. создается школа, включающее два отделения: городское и сельское. Городское находилось в Москве, а деревенское – в Калужской губернии. Колония явилась экспериментальной площадкой по проверки эффективности результатов образовательного проекта Шацкого, основанного на органичном сочетании трудовой, умственной и эстетической деятельности, взаимоотношения учителя и воспитанника, динамики развития детского сообщества. Данная модель стала основой для создания школ-коммун в последующие десятилетия.

Подобные эксперименты проводились в контексте разгоревшейся в те годы полемики о приоритете в воспитании детей и подростков семьи или школы. Такие известные теоретики и практики педагогики как Л. Толстой, П. Лесгафт, П. Каптеров и др., настаивали на том, что нормальная семья имеет «ни с чем

не сравнимое значение и является ничем не заменимым органом социального воспитания». Однако революционеры и представители новой власти, а также педагоги-новаторы, такие как Н. Крупская, П. Яблонский, А. Луначарский, С. Шацкий, утверждали необходимость минимизации роли семьи в воспитании детей и подростков, так как семья «утратила свое значение и ее влияние на детей должно быть смещено общественным воспитанием». Характерной особенностью того времени стал максимальный отрыв детей от семьи для внедрения новой идеологической парадигмы в массовое сознание, что было практически невозможно в условиях тесного взаимодействия ученика с родителями.

В 1919 г. Народным комитетом просвещения был издан указ о создании в Петрограде, Москве и других крупных городах школ (либо групп) с пребыванием детей в течение 10 часов.

Однако из-за недостатка материально-технической базы они получили развитие лишь в 1926 г. с появлением нового типа школ – ФЗС (фабрично-заводские семилетки).

Расписание занятий ФЗС составлялось в соответствии с графиком работы того завода, при котором она находилась. После цикла уроков (4–5) ученики три часа работали на заводе под руководством мастера. А заканчивался с концом рабочего дня. Данный тип школы полного дня существовал до 1934 г. Затем начиналась самоподготовка (выполнение домашних заданий), далее было отведено время для занятий спортом, художественной самодеятельности, кружкам и секциям. Горячее питание было организованно за счет завода. К 1927 г. таких школ насчитывалось 92. Из-за сложностей материально-технического обеспечения, некоторые из них были довольно скоро закрыты.

Полномасштабное развитие школ полного дня в период «хрущевской оттепели»

В период второй мировой войны школьное образование, как и все сферы общественной жизни, переживало кризис, связанный с нехваткой помещений, учителей, финансирования. Лишь к концу 50-х гг. наметился процесс восстановления накопленного опыта по организации учебного процесса во второй половине дня. Так, в этот период в Москве и Ленинграде (Санкт-Петербурге) коллективом инициативных педагогов были созданы группы продленного дня для младших классов. Идея была поддержана и в министерстве народного образования и признана «продуктивным способом повышения эффективности учебно-воспитательного процесса».

В этот период при школах создаются группы продленного дня, а далее и сами школы переходят на полнодневный режим. Многие педагоги-новаторы, такие как В. Сухомлинский, В. Риттер и другие занимаются повсеместным внедрением новой модели массовой школы продленного дня в педагогическую практику.

Наибольший интерес для изучения вызывает модель школы полного дня, разработанная Э. Костяшкиным. На базе 544 школы им была создана экспериментальная площадка для апробации модели группы, класса и школы с продленным днем пребывания.

В 1960 г. было опубликовано Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 февраля «Об организации школ с продленным днем». Предполагалась апробация, а затем и массовое внедрение школ полного дня, как на территории Советского союза, так и в странах СНГ и соцлагеря [9]. Э. Костяшки возглавил проектную работу, разрабатывая модель школы полного дня, как в городе, так и в деревне (модель сельской школы полного дня). В своей монографии: «Школа продленного дня» Костяшки писал: «Практика передовых школ нового типа показывает, что квалифицированное педагогическое руководство учащимися в течение всего дня позволяет объединить уроки и домашнее задание в единый учебный процесс, предусматривать в режиме дня разнообразные формы трудовой деятельности, усилить художественное воспитание детей. В этих школах накоплен интересный опыт туристских походов, интернационального воспитания, своеобразных форм организации детского коллектива и усиления связи с родителями» [5, с. 4].

Костяшки подвергает критики сложившийся стандарт в режиме дня ребенка, который он делит на периоды. 0-й период – 1 ч на подъем, завтрак, движение к школе. 1-й период занимает 5 ч 30 мин – уроки с переменой и завтрак. 2-й период – 2 ч: прогулка, обед, свободное время. 3-й период – приготовление домашних заданий. 4-й период – 3 ч 30 мин – прогулка (1 ч 30 мин, свободное время (1 ч 10 мин), домашнее самообслуживание (50 мин). 5-й период – 9 ч 30 мин – ночной сон. Таким образом, у ребенка не остается свободного времени для занятия в секциях, кружках, на спорт, театр, чтение художественной литературы и т. д. Также такой режим не учитывает различную работоспособность детей [5].

Э. Костяшки в своей школе ввел такой режим полного дня, который предлагал гибкий график, учитывая психологические и физиологические особенности учеников. Так, на конец учебного дня он оставлял самую легкую и увлекательную деятельность, категорически выступая против завершения школьного дня выполнением домашнего задания. Он предлагает детально проработанную и прошедшую апробацию на базе 544 и 630 школ г. Москвы модель организации времени в течение дня, указывая, что «самым важным показателем целесообразности режима является

здоровье детей и результаты учебно-воспитательной работы школы». По словам Костяшки, школа полного дня – это школа, где детям комфортно. Это не только место получения знаний, умений и навыков, а пространство и время жизни ребенка.

Однако, несмотря на успешные опыты Костяшки, на одобрения его идей в министерстве и содействия в реализации масштабного внедрения полного дня в систему народного образования, к 1980 г. в силу сложившейся к тому времени социально-политической обстановке в стране наметилась тенденция к практически полной утрате наработанных моделей школ полного дня. Осталась лишь «продленка», т. е. пребывание детей в школе и выполнение ими домашнего задания во второй половине дня, не подразумевающая развивающей педагогической деятельности и здоровьесберегающих технологий.

Следующее обращение к школам полного дня произошло в начале 90-х гг., с изменением политического строя, с новой возможностью создания частной коммерческой деятельности [3]. Педагоги-новаторы создавали небольшие частные школы, с малокомплектными классами (8–15 человек).

На рубеже эпох, в период «перестройки» в педагогическом сообществе велось активное обсуждение вопроса: какой должна быть новая школа. Наиболее дискуссионной стала тема дифференциации детей на группы по психофизическим и интеллектуальным особенностям. Педагоги-новаторы, психологи доказывали необходимости введения отбора среди учеников, который позволил бы достичь больших результатов за счет учета особенностей каждого ученика и подбора индивидуальных методик работы с ним. Очевидным стало и то, что в рамках общеобразовательной школы с 25–30 учениками в классе это было практически невозможно. Лишь частные новаторские школы смогли реализовать новые педагогические идеи. Среди наиболее известных следует отметить авторские школы полного дня В. Щетинина, А. Тубельского, Л. Русаковой и многих других.

Школа полного дня в России: современное состояние и перспективы развития

Существующие на сегодняшний день школы полного дня в России представляют собой незначительный по объему сегмент учебных заведений, рассчитанных на наиболее состоятельных представителей среднего класса и не могут удовлетворить возрастающую потребность в учебных заведениях данного типа. В связи с этим на законодательном уровне разрабатывается правовая основа перевода общеобразовательных школ с неполным днем на полный день.

В 2010 г. Министерством образования РФ были приняты новые образовательные стандарты 2-го поколения. В них предполагается внедрение школ полного дня с сентября 2011 г. во всех государственных школах в младших (1–4) классах. Кроме обозначенных выше вопросов, организация второй половины дня призвана осуществить ряд задач:

– обеспечить благоприятную адаптацию ребенка в школе;
– оптимизировать учебную нагрузку обучающихся;
– улучшить условия для развития ребенка [4].

Сегодня можно констатировать, что в рамках реализации указанной государственной программы увеличивается количество муниципальных школ полного дня. Однако определенный ряд факторов (двусменная система обучения, большая численность детей в классах (25–30 человек) и др. затрудняет повсеместное распространение указанной модели. На сегодняшний день лишь все первые классы переведены на режим с дополнительными 10 часами в неделю. В ряде школ система полного дня охватывает всю первую общеобразовательную ступень (с 1 по 4 класс). Для полной реализации данной модели необходима разработка новых типовых проектов школьных зданий, дополнительного финансирования системы добавочного образования, в полной мере удовлетворяющей разнообразные интересы каждого ребенка.

Несмотря на трудности, связанные с преодолением финансового кризиса, уже сегодня можно отметить определенные положительные результаты внедрения модели полного дня в начальной школы. В частности, сравнительный анализ мотиваций к обучению, эмоциональной атмосферы в классах с полным и неполным днем в гимназии № 76 г. Ростова-на-Дону показал, что учащиеся первого «А» класса, учитель Т. Мец., проявляли высокий уровень когнитивной активности, как в первой, так и во второй половине учебного дня. Исследования, проведенные в ноябре 2011 г., показали низкий уровень утомляемости исследуемого класса, устойчивое эмоциональное состояние, готовность к исправлению ошибок и преодолению трудностей. Также были выявлены и проблемы, которые следует решить. В частности, необходим углубленный индивидуальный психологический подход к решению о переводе первоклассника на модель школы полного дня. В процессе исследования у детей с повышенной возбудимостью, ослабленной нервной системой отмечена утомляемость от пребывания в коллективе свыше 5 ч. По мнению учителя и школьных психологов, для таких детей нужно постепенное вхождение в систему полного дня, либо создание индивидуальных условий для отдыха и адаптации в стенах школы.

Так, становится очевидным, что для успешного внедрения модели полного дня в массовую школу необходимы междисциплинарные комплексные исследования и объединение усилий педагогов,

психологов, физиологов и врачей для создания максимально благоприятных условий обучения жизнедеятельности каждого ребенка.

Таким образом, сейчас перед руководством российской системы народного образования стоит задача в удовлетворении все возрастающей потребности в начальных и средних общеобразовательных заведениях данного типа. Дальнейшие перспективы развития связаны с разработкой и внедрением государственных программ и создания материально-технической базы для реализации модели школ полного дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буданова Г.П. Школа полного дня. – М., 2010.
2. Булкин А.П. Социокультурная динамика образования. – Дубна, 2009.
3. Костяшкин Э. Школа продленного дня. – М., 1965.
4. Министерство образования и науки РФ. Приказ «О внесении изменений в Федеральный государственный стандартный начального общего образования, утвержденный приказом министра образования РФ от 10.06.2009. № 373 от 26.11.2011.

КВАЛИМЕТРИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Черных О.В.

Исследуются организационные принципы компетентностного образования на основе кластерного анализа структурных элементов программы учебной дисциплины. Предлагается технология разработки модели компетентности обучающегося в рамках отдельно взятой учебной дисциплины.

Ключевые слова: *компетентность, учебный модуль, экспертиза, кластер, проблемные и проектные задания.*

В условиях постиндустриального этапа развития социально-экономической системы, когда образование становится товаром на рынке услуг, студенты руководствуются прагматическим принципом, предложенным американским философом, психологом и педагогом Джоном Дьюи (1859–1952), «истинно то, что полезно» в процессе формирования индивидуального учебного плана в соответствии с собственными интересами и соображениями практической пользы [1]. В связи с этим на первый план выходит ориентированность образовательной системы на компетентность обучающихся, а значит и преподавателя, который должен разработать эффективное дидактическое обеспечение учебного процесса, основой которого является модульное структурирование рабочих программ.

Компетентность (овладение компетенциями) проявляется в умении осуществлять выбор, исходя из адекватной оценки своих возможностей в конкретной ситуации, и связанна с мотивацией на непрерывное образование. К ключевым свойствам компетентности, по мнению Е.П. Ильина можно отнести следующие.

Знания как набор фактов, требуемых для выполнения работы, которые являются более широким и основополагающим понятием, чем навыки. Знания представляют интеллектуальный контекст, в котором работает человек.

Навыки как владение средствами и методами выполнения определенной задачи, которые проявляются в широком диапазоне: от физической силы и сноровки до специализированного обучения. Общим свойством навыков является их конкретность.

Способность как врожденная предрасположенность (одаренность) выполнять определенную задачу.

Стереотипы поведения как видимые формы действий, предпринимаемых для выполнения задачи. Поведение включает в себя наследованные и приобретенные реакции на ситуации, и ситуационные раздражители. Поведение индивида проявляет его ценности, этику, убеждения и реакцию на окружающий мир. Когда человек демонстрирует уверенность в себе, формирует из коллег команду, или проявляет склонность к действиям, его поведение соответствует требованиям организации. Ключевым аспектом является возможность наблюдать это поведение.

Усилия (воля) как сознательное приложение в определенном направлении ментальных и физических ресурсов. Усилия составляют ядро рабочей этики. Любому человеку можно простить нехватку таланта или средние способности, но никогда – недостаточные усилия. Без усилий человек напоминает вагоны без локомотива, которые также полны способностей, однако безжизненно стоят на рельсах [3].

Американские исследователи в области управления персоналом Л.М. и С.М. Спенсеры, помимо знаний и навыков, к базовым качествам компетентности относят:

– мотивы, т. е. то, о чем человек думает и хочет постоянно, что вызывает его действие;
– психофизиологические особенности, характеризующие физические реакции на различные ситуации и информацию;
– Я-концепцию, включающую установки и ценности человека [5].

Наиболее сложно влиять на мотивацию личности, так как согласно концепции полного акта мышления в процессе обучения проходит ряд превращений:

– от противоречий между различными представлениями к возникновению желаний;

– от проявления заинтересованности к определению доминирующего желания;
– от формирования вектора воли к внутренней мотивации.

Для того, чтобы данный механизм превращений личности обучающегося заработал, необходимо обеспечить разнообразие выбора различных вариантов выхода из проблемной ситуации, а также добиться автоматизма в применении методологии научного исследования. Именно эти задачи решаются управляемым самостоятельным обучением.

В процессе реализации компетентностного подхода к организации образовательной системы преподаватель должен иметь представление о ключевых компетенциях [2] и принципах организации постиндустриальной системы образования [5], а также в совершенстве владеть способами проектирования процесса обучения. Наиболее эффективным способом решения данной задачи является экспертная оценка содержательной значимости учебных элементов с целью выявления структурных элементов, на основе которых можно разработать проблемные и проектные задания. На основе принципа дискретности образовательной квалиметрии, утверждающего, что всякое педагогическое действие содержит целое число структурных элементов, рассчитываются комбинированные весомости учебных элементов [4].

Принципиальным отличием учебного модуля от раздела, темы и вопроса учебной программы является оптимизация его содержания. Аудиторные занятия должны посвящаться наиболее весомым структурным элементам программы, на основе содержания которых могут быть разработаны проблемные задания, содержащие повествовательное изложение реальной ситуации неопределенности и возможные варианты ее разрешения на основе методологии научного исследования. Модульное структурирование рабочей программы учебной дисциплины должно обеспечить доминирование проблемной направленности процесса обучения над причинно-следственными взаимосвязями программного материала, что приводит к минимизации условия предшествования, то есть необходимой для освоения учебного модуля ранее усвоенной обучающимися информации.

Квалиметрическая экспертиза представляет собой разновидность кластерного анализа, сущность которого заключается в постановке в соответствие множества объектов X множеству кластеров Y. В качестве множества X следует рассматривать выборочную совокупность Xn = {x1, …, xn }, которую необходимо разбить на непересекающиеся подмножества Ym = {y1, …, ym } множества Y. При этом каждый объект xi должен принадлежать только одному подмножеству разбиения yi, все элементы которого сходны между собой по определенному признаку, а элементы различных кластеров существенно отличаются друг от друга. Если речь идет о разработке модульной структуры рабочей учебной программы, то X – это множество структурных элементов, а Y – учебные модули.

В процессе решения задачи кластерного анализа задается целевая функция, одной из разновидностей которой может быть расстояние между объектами d(xi, xj), удовлетворяющее следующим требованиям: 1) объекты должны попасть в один кластер, когда расстояние между точками xi и xj мало; 2) если же расстояние большое, то они попадут в разные кластеры. В случае p-мерного евклидового пространства Ep выполняются следующие соотношения: 1) d(xi, xj) ³ 0, для всех xi и xj принадлежат Ep; 2) d(xi, xj) = 0, тогда, когда xi = xj; 3) d(xi, xj) = d(xj, xi); 4) d(xi, xj) £ d(xi, xk) + d(xk, xj), где xi, xj и xk – любые три вектора из Ep.

Рассматривая множество учебных элементов дисциплины X, можно в соответствии с традиционной классификаций группировать их по темам и разделам, рассматривая их в качестве последовательных уровней структурирования, что приведет к одному из возможных субъективных критериев качества кластеризации. А можно, опираясь на традиционные уровни структурирования, предложить экспертам определить относительную весомость разделов относительно курса, тем относительно разделов и вопросов относительно тем с помощью стратегии мягкого рейтингового оценивания. Близость комбинированных весомостей учебных элементов указывает не только на схожесть их содержательной значимости, но и на малое расстояние между ними в трехмерном евклидовом пространстве стратификации выборочной совокупности программных вопросов.

На основе результатов экспертной оценки содержательной значимости учебных элементов программы: «Основы психологического консультирования» были сформированы 4 учебных модуля.

1. «Введение в психологическое консультирование».

2. «Качества эффективного консультанта и клиента».

3. «Специфика работы в различных условиях».

4. «Техники и методики».

Дальнейшее проектирование процесса предполагает разработку программных кластеров каждого учебного модуля и проблемного кластера учебной дисциплины.

Для формирования проблемного кластера необходимо ранжировать структурные элементы в соответствии с их комбинированной весомостью. Наименьшей комбинированной весомостью 10,1

обладает структурный элемент 123 «Гештальт-терапия». Наибольшей комбинированной весомостью 17,4 обладает структурный элемент 213 «Принципы психологического консультирования». Между указанными крайними значениями комбинированных весомостей структурных элементов должны расположиться три ранговых диапазона, полученных в результате квантования. При этом каждый из трех диапазонов должен обладать протяженностью: (17,4 – 10,1)/3 = 2,433… (табл. 1).

Таблица 1

Ранжирование структурных элементов

Ранги	III	II	I
Ранговые диапазоны	10,1 ÷ 12,5	12,6 ÷ 14,9	15,0 ÷ 17,4
Кол-во структурных элементов	10	4	2

Каждый структурный элемент третьего ранга, комбинированная весомость которого располагается в диапазоне от 10,1 до 12,5, должен быть представлен одним проблемным заданием. Каждый структурный элемент второго ранга, комбинированная весомость которого располагается в диапазоне от 12,6 до 14,9, предполагает разработку двух проблемных заданий, отражающих содержание соответствующего вопроса программы и внутримодульную или межмодульную взаимосвязь с другим структурным элементом. Каждый структурный элемент первого ранга, комбинированная весомость которого располагается в диапазоне от 15,0 до 17,4, позволяет разработать как минимум три проблемных задания, одно из которых отражает содержание соответствующего программного вопроса, второе и третье учитывают взаимосвязи с другими структурными элементами данного учебного модуля или связывают содержание модуля со структурными элементами других учебных модулей.

Таким образом, в процессе разработки дидактического обеспечения учебной дисциплины «Основы психологического консультирования» преподаватель должен составить 20 ситуаций неопределенности различного содержания и форм предъявления. 16 из них оказываются обычными проблемными заданиями, опирающимися на содержание одного структурного элемента (независимо от его ранга), а 4 являются композитными, в основу содержания которых положены два структурных элемента второго или первого ранга, которые могут играть роль проектных заданий в процессе организации управляемого самостоятельного обучения.

Проблемный кластер формируется с помощью целевой функции долевых вкладов структурных элементов в содержание ситуаций неопределенности V(xi, xj), удовлетворяющей следующим соотношениям: 1) V(xi, xj) = 1, если xi = xj; 2) V(xi, xj) = V(xi/(xi + xj)), если xi ≠ xj и комбинированные весомости соответствуют первому или второму рангу; 3) V(xi, xj) = 1 – V(xj, xi). Помимо единичных диагональных элементов матрица проблемного кластера содержит численные значения долевого участия структурных элементов в разработке композитных проблемных заданий, которые пропорциональны их комбинированной весомости. Поэтому сумма всех элементов проблемного кластера равна минимально необходимому количеству ситуаций неопределенности (табл. 2).

Таблица 2

Проблемный кластер учебной дисциплины «Основы психологического консультирования»

Центр	112	122	124	121	123	213	211	212	216	215	224	221	223	312	415	416
112	1															
122		1	0,5													
124		0,5	1													
121				1												
123					1											
213						1	0,5	0,5								
211						0,5	1				0,5					
212						0,5		1								
216									1							
215										1						
224							0,5				1					
221												1				
223													1			
312														1		
415															1	
416																1

Учебный модуль № 1 включает в себя структурные элементы 112, 121, 123 третьего ранга и структурные элементы 122, 124 второго ранга, которые кроме собственных проблемных заданий образуют композитное задание с долевым участием в его содержании по 50 %. В конце освоения данного модуля обучающимся предлагается выполнить тест рубежного контроля и проектное задание, в основу содержания которого положено композитное проблемное задание.

В учебный модуль № 2 входят структурные элементы 215, 216 третьего ранга; структурный элемент 212 второго ранга, который создает комбинированное проблемное задание с 213; структурные элементы 211, 213 первого ранга, создающие ситуации неопределенности соответственно с 213, 224 и с 211, 212. Дидактическое обеспечение второго учебного модуля предполагает выполнение обучающимися, помимо теста рубежного контроля, двух проектных заданий, составленных на основе внутримодульных взаимосвязей структурных элементов.

В учебном модуле № 3 присутствуют структурные элементы 221, 223 третьего ранга и структурный элемент 224 второго ранга, который образует композитное проблемное задание с 211. В конце освоения обучающимися третьего учебного модуля им предлагается выполнить тест рубежного контроля и проектное задание, составленное на основе межмодульной взаимосвязи структурных элементов.

Учебный модуль №4 состоит из структурных элементов 312, 415, 416 третьего ранга, поэтому диагностико-квалиметрическое обеспечение включает в себя тест рубежного контроля и практикум по различным техникам и методикам психологического консультирования.

Начиная изложение программного материала, преподаватель должен предложить обучающимся проблемное задание, составленное на основе содержания структурного элемента 112. Согласно международным требованиям к профессиональной деятельности, специалист в области психологического консультирования должен: 1) работать только с клиентами со здоровой психикой; 2) совмещать свои функции с элементами психотерапии; 3) работать с людьми со здоровой психикой и «особым» детством; 4) заниматься диагностикой и анализом психологического состояния человека. Преподаватель пытается вовлечь студентов в диалоговое общение на основе обсуждения предложенных вариантов разрешения проблемной ситуации. Он акцентирует внимание на том, что психолог работает со здоровой психикой клиента. Если же случай за пределами нормы, то клиенту следует обратиться к компетентному специалисту – психиатру. Работая в сфере психологического консультирования, специалист использует различные техники, взятые из огромного арсенала психотерапевтических школ, и тем сам уже вторгается в пограничную область. Психолог в психологическом консультировании занимается диагностикой, профилактической и коррекционной деятельностью. Но четвертый вариант ответа является отражением лишь части всей деятельности специалиста. Третий вариант позволяет работать в рамках коррекции «особых» детей и является наиболее полным.

Таким образом, опираясь на процедуру разработки проблемных и проектных заданий, можно составить кластерную модель компетенций, положенных в основу изучения учебной дисциплины «Основы психологического консультирования». Для этого сформулируем композитные проблемные задания в наиболее общем виде с учетом комбинированных весомостей структурных элементов. В результате ранжирования суммарных комбинированных весомостей структурных элементов, на основе которых составлены проектные задания, можно составить следующий список компетенций.

Психологическое консультирование с учетом личностных качеств и квалификации психолога (КВ)213 + (КВ)211 = 33,2.

Психологическое консультирование с учетом этических и правовых аспектов работы с клиентом (КВ)213 + (КВ)212 = 31,7.

Учет личностных качеств и квалификации консультанта при работе с ресурсами клиента (КВ)211 + (КВ)224 = 29,3.

Сравнительный анализ различных теоретических подходов, положенных в основу психологического консультирования (КВ)122 + (КВ)124 = 28,6.

Знание различных теоретических подходов к психологическому консультированию не является ведущим обуславливающим фактором приобретения навыка практической работы. Необходимо совершенствование личностных качеств индивида, включающих в себя быстроту реакции, ценностные установки и мотивацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления (Как мы мыслим). – М., 1999.
2. Зимняя И.А. Ключевая компетенция – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб., 2006.
4. Сафонцев С.А., Черных О.В. Интегративный подход к измерению компетентности как латентной переменной. – Ростов н/Д., 2011.
5. Спенсер Л.М., Спенсер С.М. Компетенции на работе. – М., 2005.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРЕТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОГНОСТИЧЕСКОГО УРОВНЯ

Чигишева О.П.

В статье рассматривается предложенный немецкими теоретиками функциональный подход к развитию теоретических оснований педагогической науки с позиций компаративистики, что является новым шагом в становлении методологии проведения теоретико-методологического исследования прогностического уровня. Он характеризуется тем, что создает методические предпосылки для более точного определения объектов сравнения, их классификации и типологизации, выбора третьего члена сравнения, расширяет арсенал инструментария для прогнозирования и планирования.

Ключевые слова: *прогностика, tertium comparationis, интертемпоральное сравнение, пространственное метрическое сравнение, международное метрическое сравнение.*

Зарубежные теоретико-педагогические исследования всегда вызывали особый интерес у российских методологов, занимавшихся проблемами сравнительной педагогики и международного образования, что сопровождалось остро дискуссионным обсуждением самых различных аспектов методологического ресурса, как педагогической науки, так и собственно компаративистики. Неоценимый вклад в развитие методологии сравнительной педагогической науки внесли труды немецких теоретиков О. Анвайлера, К.-А. Гионды, Г. Рёрса, безотносительно к периоду их появления, в которых, как правило, рассматривались проблемы образования сквозь призму новых задач, актуализировавшихся под влиянием вызовов времени и необходимости осуществления образовательно-педагогических исследований прогностического уровня [1, 2, 3].

Бесспорно, что важным шагом в развитии методологического каркаса современной педагогической компаративистики стало появление в восьмедисятые годы двадцатого века работ немецких исследователей Дитера Берштехера и Бернхарда Дикманна [4, 5].

Согласно представлениям теоретиков, метод сравнения в педагогике определяет её содержание и имеет следующие функции:

1) классификационную;
2) прогностическую;
3) планировочную.

Рассмотрим особенности теоретической позиции в порядке рамках прогностической и планировочной функций.

Рассмотрение метода сравнения как инструмента педагогической прогностики немецкие теоретики связывают с уточнением тех отношений, которые объединяют диагноз, прогноз и планирование как специфические исследовательские механизмы. Рассмотрение диагностических, прогностических аспектов исследования, а также возможность планирования с учётом данных диагностики и прогноза полагается необходимым для того, чтобы избежать комплекса несоответствий в понимании исследователями из различных стран сути данных процедур. Д. Берштехер и Б. Дикманн справедливо полагают, что трудности, возникающие при проведении международного сравнения, затрагивают как прогностическую применимость, так и значимость планирования метрического международного сравнения в области образования. Для прояснения своих методологических позиций Д. Берштехер и Б. Дикманн предлагают «принять в расчёт тесную логическую взаимосвязь между системным анализом, прогнозом и планированием с точки зрения аналитической научной теории» [4, с. 27].

Согласно позиции Д. Берштехера и Б. Дикманна, следует различать научные прогнозы и интуитивные предсказания. Научные прогнозы и строящееся на науке планирование основываются на аналитически констатируемых условиях; «обязательно» они действуют тогда, когда эти условия выполняются или являются результатом политических мероприятий. «В отличие от этого, – утверждают Д. Берштехер и Б. Дикманн, – исторические предсказания происходят беспричинно и без опоры на основы теории» [4, с. 28]. С данным утверждением трудно согласиться. Мы полагаем, что любой, в том числе интуитивно

сформулированный прогноз, относящийся к историческим тенденциям, обязательно опирается на некоторую совокупность реальных фактов и в разной степени осознанных реальных потребностей.

Обусловленность прогноза в концепции Д. Берштехера и Б. Дикманна распространяется на два постулата, которые сформулированы следующим образом:

1) если реальность являет собой совершенно неструктурированный хаос, то анализ и вместе с ним прогноз невозможны;

2) условие для точности прогнозов в том, чтобы упомянутый порядок в меньшей мере зависел от стабильности времени.

Взаимосвязь между настоящим и прогностическим будущим должна существовать или, по меньшей мере, должна быть постулирована как существующая. «Прогнозы возможны только тогда, когда два основных предположения могут оказаться точными: существует идентифицируемая связь между будущим и прошлым, и для прошлого определён минимальный порядок, который может быть путём специфической связи переправлен для будущего» [4, с. 35]. Именно это условие определимой взаимосвязи между настоящей и будущей ситуацией всё же существенно ограничивает прогностическую применимость таких социально-научных теорий, которые оправдали себя при диагностическом аспекте. Причиной тому может считаться в особенности рефлективность социально-научных прогнозов: она может выражаться, например, в том, что ожидание индивидуумов меняется в зависимости от оглашения определённых прогнозов или планируемых мероприятий в социальной области. Через ожидающиеся новые условные конъюнктуры варьируются одновременно и характеристики, которые входят в функции поведения соответствующих индивидуумов. Особенным образом, например, публикация международных сравнительных анализов в области образовательного исследования может быть причиной конкурентных и адаптационных мероприятий, которые, в свою очередь, видоизменяют предполагаемый базис соответствующего планирования или прогноза. Появление такой рефлективности достаточно чётко указывает на то, что всё менее возможным является для международного сравнения в исследовании в области образования понимание своего предмета, также и только абстрактно, как множество закрытых социальных систем. Именно растущая актуальность международных сравнений в политической области стала причиной того, что расширилась интернациональная коммуникация, растворились традиционно упрочненные, как будто - бы константные структуры внутри социальных систем и всё больше приближается к действительности особенно в секторе политики в области образования представление об одной единственной обучающей системе, которая охватывает все страны.

К этому проблемному аспекту теоретики считают необходимым добавить следующее: с помощью международных сравнений при системно-аналитической постановке цели вполне может удаться упрочнение определённых предположений о социально-экономических функциональных взаимосвязях, например, путём комплексных расчётов; как только будет предпринята попытка превратить эту предварительную аналитическую работу в плановые мероприятия, изменится, как следствие этих мероприятий, необъяснимый культурный контекст таким образом, что будет преобразована сама положенная в основу функциональная взаимосвязь. Известным примером такого эффекта служит, например, расчёт пределов спроса в зависимости от расходов на образование в международном сравнении. Очевидно, что невозможно спланировать расходы на образование таким образом, чтобы при этом одновременно не была затронута организация образования.

В теории современной сравнительной педагогики ФРГ рассматривается вопрос о том, какие специальные методы могут быть использованы для осуществления прогнозирования. Признается, что в настоящее время существуют два стратегических подхода к прогнозированию – поисковый (изыскательский) и нормативный. В области сравнительно-педагогических исследований нормативный подход ещё не представлен, однако в области изыскательского подхода в самом общем виде определились концептуальные позиции. Они обращены к метрическому сравнению, построенному на признании достоверности статистических данных, и рассматривают проблему в контексте двух категорий – пространство и время.

Так, в метрическом международном сравнении принято основывать прогнозы или на многоаспектных сравнениях, или же вносить комплексные данные в анализы временных рядов. Многоаспектное сравнение является технически сложным, поскольку не всегда может соответствовать требованиям принципа «строгой мультиколлениарности» (от нем. «das Kollinear» – объектив, оптический прибор, дающий изображение в перевёрнутом виде), согласно которому операциональная составляющая процедуры должна быть согласована и стандартизировано выполняться всеми участниками исследования.

Определённую сложность вызывает также анализ данных, полученных в ходе исследования долгосрочных временных рядов. Причины этого носят, в первую очередь, прагматический характер: в образовании, в особенности в молодых странах, не существует достаточно долгих статистически значимых временных рядов, которые могли бы быть

использованы как основа для прогнозов. Основная проблема подобного образа действий в метрическом международном сравнении совершенно очевидно заключается в трудности сделать прогностическое заключение с учётом геопространственных различий. Из параллельных исследований как международной, так и интертемпоральной (межвременной) регрессии государственных расходов на образование вытекает, например то, что «статистические», т. е. взятые из комплексного расчёта коэффициенты, как правило, находятся ниже «динамических», т. е. интертемпоральных. Значительную часть этой разницы можно объяснить краткосрочным или долгосрочным характером интертемпоральных или пространственных сравнений: если уже с прогностической целью международные различия преобразовывают во временные переменные отношения, то нужно обратить внимание также на то, что выражающиеся в многоаспектном сравнении различия в развитии примерно соответствуют временным различиям интертемпорального сравнения. Период времени, который соответствует разнице в развитии между высоко- и слаборазвитой страной внутри одного комплексного ряда, можно установить при помощи математических методов.

Очевидно, что метод сравнения позволяет осуществить своевременное планирование при реализации образовательной политики, стратегии и тактики. Эта уверенность построена на тезисах о наличии «сверхиндивидуальной логики изменения» и «системных принуждений» в рамках социальной, политической и экономической эволюции стран.

В основе этой концепции планирования лежит представление о связанном с процессом индустриализации изменении общества в связи с определёнными типичными образцами хода событий, которые происходят неизбежно. При этом существенным является то, что отсутствует указание условий, в которых должно происходить это изменение. Из-за недостаточной чёткости изменения и пока что незнания его условий очень легко сделать вывод об отсутствии таких условий, т. е. о «без-условности»: именно в этот момент отсутствия условий принудительный характер изменения является обоснованным. Несмотря на непосредственную схожесть, эта точка зрения, правда, не сразу может быть отождествлена с критикуемым К.Р. Поппером историческим типом интерпретации. Здесь имеются в виду не «абсолютные», логически не кондиционированные черты, а вполне объяснимые изменения, которые пока всё же остаются непостижимыми в своей комплексности. В современной педагогической прогностике выдвигается новый принцип «недетерминизма в отдельном при детерминизме в целом». Показательным образом принудительный характер происходящего ощущается тем сильнее, чем меньше понимание исходных пунктов и принципа действия этого происходящего.

Интернациональному и интертемпоральному сравнению присуща способность передавать понимание – не задних планов и механизма, а формы законов общественного развития. Из сравнения временных рядов – например, проведённого в технически регрессионной форме – должны быть узнаваемы общее направление развития, а также определённые фазы развития, из которых видно, проходили ли они уже однажды в стране или будут проходить. Сравнение в этом отношении выполняет, прежде всего, следующую функцию: предотвращать отклонения от «нормы развития». Если признать эту функцию сравнения, то тем самым, одновременно, проявляется значимость планирования: планирование ограничивается до последующей реализации обнаруженной в интертемпоральном или интернациональном сравнении стран линии развития. В исходных точках планирования необходимо осознавать тот факт, что сами планы, «которые подходят великому течению истории могут быть действенны» [4, с. 37].

Таким образом, критика попытки показать с помощью концепции «неизбежных изменений» значимость планирования интернациональных сравнений, должна быть ограничена двумя точками зрения. В первой концепция неизбежных изменений исключает пассивное изменение изменения в смысле будущих преобразований общественных конъюнктур. Самому процессу изменения свойственна инвариантная структура. Способность социальных систем обучаться отрицается в пользу стереотипности – предположению, которое могло быть просто непригодным ввиду обширных реформ в области образования во многих странах. Следствием характера непременности, который здесь интерпретирован в результаты интернациональных сравнений, является иммунизация исследования; такая концепция противоречит принципу, в соответствии с которым исследование должно быть интерсубъективно проверяемым и доступно для контроля.

Во втором случае речь идет о том, что понимаемая таким образом значимость планирования интернациональных и интертемпоральных сравнений должна сводиться именно к неприятию планирования: возможность активного изменения в смысле независимого планирования социальных событий исключается неизбежными изменениями. Там, где обязательные пророчества вступают на место обусловленных прогнозов, запланированное воздействие предельных условий (причин) является иллюзорной опорой. Планирование выходит на «особый вид социального искусства», просветительская функция которого может заключаться в минимизации трудностей общественной адаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов Г.В. Историко-теоретические предпосылки и тенденции развития отечественной теории педагогического прогнозирования: автореф. …. дис. канд. пед. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – 22 с.
2. Федотова О.Д., Чигишева О.П. Теоретико-методологические основы сравнительной педагогики ФРГ: монография. – М.: АПКиПРО, 2008. – 170 с.
3. Чигишева О.П. Методологическое своеобразие европейских педагогических исследований (конец XX – начало XXI вв.) // Научно-исследовательские практики современности: сб. науч. трудов. – Ростов-на-Дону: Научное сотрудничество, 2011. – С. 133–143.
4. Berstecher D., Dieckmann B. Planung und Prognose mit Hilfe internationaler Vergleiche (1971) Texte zur Methodologie-Diskussion, Verlag Dokumentation. – Pullach bei Muenchen, 1974. – 309 p.
5. Berstecher D. Bemerkungen zur Logik Vergleichender Forschung, (1972), Texte zur Methodologie-Diskussion, Verlag Dokumentation. – Pullach bei Muenchen, 1974. – 309 p.

АВТОНОМИЯ СУПРУГОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЕ КАК ЗОНА РИСКА

Акопова Л.И.

В статье проводится анализ демографической ситуации и влияющих на нее факторов. Выявлена взаимосвязь нравственно-эмоциональной сферы и семейных конфликтов. Исследуется влияние автономии супругов в семейной системе на продолжительность жизни мужчин.

Ключевые слова: *нравственно-эмоциональная сфера, супружеское взаимодействие, супружеские конфликты, автономия и свободный выбор, зона риска.*

Исследования, проведенные в конце прошлого столетия, доказали, что именно семейные события гораздо в большей степени «принимаются близко к сердцу», чем внешне аналогичные события в сфере трудовой деятельности, соседских отношениях и др. Семье отводиться ведущая роль в системе взаимоотношений личности. На ранних стадиях она – единственная, а позднее одна из наиболее значимых социальных групп, в которые включен индивид. По словам Г.К. Ушакова, от того, какие отношения между супругами, царит ли в семье взаимопонимание, уважение, телесная и духовная гармония, зависит успешность самореализации личности в социуме.

Основываясь на собственных многолетних исследованиях Л.Б. Шнейдер сделал вывод, что «неблагополучные семьи порождают неблагополучных людей с низкой самооценкой, что толкает их на преступления, оборачивается душевными болезнями, алкоголизмом, наркоманией, нищетой и другими социальными проблемами» [15, с. 512].

К числу значимых характеристик супружеского взаимодействия, позволяющих прогнозировать конструктивное или дисфункциональное развитие семьи, следует отнести супружеские конфликты. Состояние семейной неудовлетворенности возникает в результате конфликтных ситуаций, в которых проявляется заметное расхождение между ожиданиями индивида по отношению к семье и ее действительной жизнью [7].

Конфликты в семье могут создавать психотравмирующую обстановку для супругов, в результате чего они приобретают ряд отрицательных свойств личности. В конфликтной семье закрепляется отрицательный опыт общения, теряется вера в возможность существования дружеских и нежных взаимоотношений между людьми, накапливаются отрицательные эмоции, появляются психотравмы. Психологические травмы чаще проявляются в виде переживаний, которые в силу выраженности, длительности или повторяемости сильно воздействуют на личность. Выделяют такие психотравмирующие переживания, как состояние полной семейной неудовлетворенности, «семейная тревога», нервно-психическое напряжение [1].

По данным, полученным американскими врачами, конфликты в семье отражаются не только на психическом, но и на физическом здоровье супругов: ослабляется иммунная система, увеличивается подверженность инфекциям, повышается риск заболевания пневмонией. Наши отечественные исследователи располагают сведениями о том, что мужчины с несложившейся семейной жизнью умирают от болезней сердца в 3,5 раза чаще, чем имеющие благополучную семью, а дорожные катастрофы с ними случаются в 5 раз чаще [13].

Теоретический анализ психологических особенностей взаимодействия в супружеской диаде и психологической проблематики супружеских конфликтов сместил фокус моего внимания к рассмотрению одной из причин, которая приводит мужчин в зону риска.

В данном исследовании были использованы следующие диагностические методики: 1) методика «Удовлетворенность браком» В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко; 2) методика РОП (опросник «Ролевые ожидания и ролевые притязания в браке» А.Н. Волковой); 3) методика рисуночной фрустрации Розенцвейга; 4) методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению Томаса.

Согласно психологическим и социологическим исследованиям последних десятилетий, включенность в расширенную семью перестает быть необходимым фактором духовного и физического выживания личности. Наибольший удельный вес приобретают отношения, основанные на свободном выборе, что обеспечивает партнерам внутри супружеской диады относительную автономию по отношению к семейной системе [4].

В то же время статистика разводов в современной России превышает показатели зарегистрированных браков.

Чтобы явственнее представить картину происходящего и выявить связь между семейными конфликтами и продолжительностью жизни, совершим экскурс в демографические исследования.

По утверждению демографов, социальные реформы привели россиян к разрушению семейных ценностей, снижению потребности в детях, к переходу от архаичной семьи – с родственными, родовыми, объективно заданными и предустановленными отношениями, к семье современной – малодетной, основанной на автономии и свободном выборе. Перечисленное рассматривается как неизбежная плата за приобщение к мировой цивилизации. Но в данном контексте мы не станем рассматривать влияние уровня жизни (экономических, экологических и др. параметров) на смертность и рождаемость.

Нас интересует драматический разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин, из-за которого последние оказываются обреченными на 10–15 лет вдовства. По демографическим данным Россия занимает 133–134 место в мире по продолжительности жизни мужчин и 90–100 место по продолжительности жизни женщин. Выявлен ряд факторов, который играет существенную роль в более высокой смертности мужчин по сравнению с женщинами. В самом начале жизни решающую роль играет биологический фактор. Затем его влияние уменьшается, но возрастает влияние внешних неблагоприятных факторов, к которым мужчины оказываются приспособленными хуже женщин. Женщины живут дольше не потому, что им легче живется, а потому, что их сердца биологически прочнее [8].

Врач, социолог и демограф И.А. Гундаров считает, что увеличение смертности зависит не только от роста пьянства, курения, но, прежде всего, от общего падения нравов, с которым бороться можно лишь путем достижения «духовной гармонии». Высказано предположение, что таковыми являются нравственная атмосфера и эмоциональное состояние общества, т. е. духовные и душевные факторы. Здесь под «духовностью» понимается деятельность сознания, направленная на поиск смысла жизни и своего места в ней, на определение критериев добра и зла для оценки событий, людей и руководства к действию. По содержанию она может быть позитивной (благой) или негативной (греховной). Следовательно, по количеству нарушений нравственных заповедей («не убий», «не укради», «почитай родителей», «не отчаивайся») можно ретроспективно судить об уровне повреждения духовной сферы. Если ухудшение (улучшение) нравственно-эмоционального состояния сопровождается ростом (снижением) заболеваемости и смертности – значит, мы имеем дело с фактором риска [9].

Семейная неудовлетворенность, накапливаясь от конфликта к конфликту, выражается в психологических травмах: нервно-психическом напряжении, фрустрации, чувстве вины [1].

Проведенное исследование связи супружеского конфликта с психологическими характеристиками супружеских отношений приводит к предположению, что именно мужчины, благославляющие автономию внутри супружеской диады по отношению к семейной системе, являются претендентами в группу риска. Исследование супружеских пар, обратившихся за психологической помощью, выявило, что у 75 % оба или хотя бы один из супругов фрустрирован.

По данным РОП, у 30 % респондентов диагностировано несоответствие между ролевыми притязаниями и ожиданиями супругов, у 42 % – рассогласования в одной из сфер супружеских взаимоотношений, у 28 % – ролевая адекватность.

Опрос супругов показал, что 80 % мужчин в своих ролевых ожиданиях видят жену не в роли хранительницы очага, не в гармоничном сексуальном партнерстве, но в социальном статусе. Они не возражают, но настаивают на социальной роли жены, т. е. чтобы супруга работала. В результате такой трансформации женщины у мужчины в возникновении, динамике и разрешении конфликтных ситуаций начинает доминировать «соперничество» и «избегание». Это ярко отличает их от женского подхода: во-первых, через «компромисс» и «избегание», во-вторых, в ролевом ожидании женщин – потребность во взаимопонимании, взаимоподдержке и стабильных сексуальных отношениях.

Подталкивая супругу к социальному росту и перекладывая на нее часть обязательств по содержанию семьи, мужчина в свою очередь, лишает ее привязанности к семейному очагу и, не ведая о том, наделяет новыми, не всегда связанными с семьей, целями. Если женщина не успевает, а делающая карьеру уже не хочет готовить, шить и быть ласковой, от этого страдает семейное благополучие и, прежде всего, супруг. Есть предположение, что у бизнес-woman снижается уровень окситоцина, так называемого «гормона любви», и повышается количество тестостерона – они становятся более активны и относительно агрессивны.

В. Сатир неоднократно отмечала, что напряжение и труд ежедневной работы на производстве не оставляют возможности тратить много времени и усилий на отношения в семье. Но как практикующий психотерапевт, она убеждена, что хорошо налаженные семейные отношения – это вопрос выживания, вопрос первостепенной жизненной важности [14].

Очевидно, «обрекая» женщину на автономность, сам мужчина попадает в зону риска. В итоге, мы наблюдаем много сильных, деловых, но одиноких женщин, и много свободных, но «обреченных» мужчин.

Данные нашего исследования являются предварительными и требуют дополнительной эмпирической проверки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ансупов А.Я. Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. – М: Юнити, 2002.
2. Андреева Т.В. Семейная психология: учебное пособие. – СПб.: Речь, 2004.
3. Архангельский В.Н. Удовлетворенность браком // Вестник Моск. Ун-та. Серия 14. Психология. – 2001. – № 4.
4. Баранова Е.В. Особенности и проблемы современной семьи // Психологический журнал. – 2001. – № 2.
5. Большая энциклопедия психологических тестов. – М.: Эксмо, 2006.
6. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия: курс лекций. – СПб.: Речь, 2001.
7. Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2005.
8. Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
9. Гундаров И.А. Новая стратегия повышения рождаемости // История и современность. – 2009. – № 1.
10. Клячкина Ж.В. Сферы конфликтного взаимодействия в семье и стратегия разрешения супружеских конфликтов // Психологический журнал. – 2000. – № 3.
11. Левкович В.П. Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // Психологический журнал. – 1995. – № 3.
12. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб.: Речь, 2001.
13. Супружеская жизнь: гармония и конфликты / состав. А.А. Богданович. – М.: Профиздат, 1990.
14. Сатир В. Как строить себя и свою семью. Заметки психолога. – М.: Педагогика-Пресс, 1992.
15. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений: курс лекций. – М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000..

МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ КАК КОМПОНЕНТ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Коломийченко Е.В.

В статье исследуется мотивация студентов к занятиям физической культурой и спортом, публикуется авторская анкета сбора мнения студентов о здоровом образе жизни и о факторах риска здоровью, анализируются представления студенческой молодежи и ее значимого окружения о роли и значимости физической культуры в развитии личности.

Ключевые слова: *спортивная мотивация студентов, направленность, ценностные ориентации, физическая культура, спорт, факторы риска здоровья, забота о физическом состоянии.*

В настоящее время важной составной частью государственной социально-экономической политики является всестороннее и эффективное развитие физической культуры и спорта. Основная цель политики государства в области физической культуры и спорта – оздоровление нации, формирование здорового образа жизни населения, гармоничное воспитание здорового, физически крепкого поколения, а также достойное выступление российских спортсменов на крупнейших международных спортивных соревнованиях [3]. Актуальность такой политики связана с несовершенством системы управления физической культурой и спортом в России, слабой нормативно-правовой базой в сфере физической культуры и спорта, слабым бюджетным финансированием. Теряют престиж профессии преподавателя физической культуры и тренера. Утрачиваются ведущие позиции отечественного спорта в международном олимпийском движении и международных спортивных организациях.

Не всегда эффективно используются возможности спорта высших достижений в решении экономических и социальных проблем общества.

Актуальным остается вопрос о том, как в подобных социально-экономических условиях проводить физкультурно-оздоровительную и спортивно-массовую работу среди населения и особенно среди молодежи.

В концепции развития физической культуры и спорта Российской Федерации определяются механизмы и направления развития, одним из которых является «формирование мотивации к самостоятельным занятиям физической культурой и спортом, повышению уровня знаний по вопросам физической культуры и спорта, а также к добровольному участию в физкультурно-спортивном движении» среди молодежи и школьников [3].

Актуальность обуславливает и тот факт, что в реальной педагогической практике большинство физкультурно-оздоровительных мероприятий не приводят к формированию у учащихся самостоятельной, мотивированной и устойчивой деятельности по самооздоровлению средствами физической культуры [4].

При классификации мотиваций выделяют [6] три критериальные группы: биологические, маргинальные и высшие (социальные). Группа биологических мотиваций сформирована [2] потребностью в пище, в стабильных и нормированных условиях жизни, потребностью в сне. Группа маргинальных потребностей включает мотивации общения, познания, защитного поведения, потребность в активности. В группу же высших (социальных) мотиваций входят мотивации потребительского поведения, самоутверждения, саморазвития и самореализации, достижения цели и стремления к успеху, мотивация свободы. Группа социальных мотиваций самая сложная и самая спорная, но общим свойством социальных мотиваций является то, что все они связаны с осознанной и целенаправленной деятельностью человека, побуждающей к достижению поставленных им самим или заданных извне определенных целей [3].

Очевидно, что потребность в занятиях физической культурой и спортом будет относится, скорее всего, к социальным мотивам и отчасти к маргинальным (потребность в активности).

По представлениям В.П. Симонова [8], первичной является потребность, которая в виде некоторой жизненной силы, побуждает живое существо к активности ради самосохранения и саморазвития. Производной от нее является мотивация, возникающая на базе уже имеющегося опыта и носящая явно когнитивный характер. Связующим звеном между поведением и действующей мотивацией служит мотив. Формирование мотиваций и производных от них мотивов наиболее интенсивно происходит в первые пятнадцать лет жизни человека, но продолжается, хотя и с меньшей скоростью и продуктивностью, в течение всей жизни [2].

Таким образом, чрезвычайно актуальным является изучение и формирование ценностных ориентаций, направленности личности на занятия физической культурой в процессе ее социализации и развития.

Новизной исследования является исследование и практическое применение диагностики мотивации занятия физической культурой и спортом у студентов вуза.

Физическое воспитание является очень сложным и многофункциональным психофизиологическим процессом, особенно в условиях, когда люди уделяют недостаточно внимания физической культуре. Студенческая молодежь – это особая профессиональная группа: информационные и эмоциональные перегрузки, которым они подвергаются, очень часто приводят к срыву адаптационных процессов организма, за которыми следуют различные отклонения в состоянии здоровья. Поэтому актуальным и практически значимым является рассмотрение вопросов мотивации занятием физической культурой и спортом в плане здоровьесберегающей технологии преподавания в вузе.

Физическая культура в структуре высшего профессионального образования выступает как интегральное качество личности, как условие и предпосылка эффективной учебно-профессиональной деятельности, как обобщенный показатель профессиональной культуры будущего специалиста и как цель саморазвития и самосовершенствования. Она характеризует свободное, сознательное самоопределение личности, которая на разных жизненных этапах из множества ценностей избирает, осваивает те, которые для нее наиболее значимы.

В структуру физической культуры студента [10] обычно включают операциональный компонент, мотивационно-ценностный компонент, практико-деятельностный компонент, профессиональную направленность физической культуры личности.

В мотивационно-ценностный компонент физической культуры личности входят знания, убеждения, потребности, мотивы, интересы, отношения, ценностные ориентация, эмоции, волевые усилия. В процессе физического воспитания каждый из этих компонентов воздействует не только на биологическую основу личности, но и на ее биосоциальную целостность. Поэтому невозможно судить о физической культуре личности, опираясь лишь на развитие ее физических возможностей.

Учитывая актуальность и практическую значимость изучаемой темы, мы провели пилотное исследование студентов вуза, в ходе которого были поставлены следующие **исследовательские задачи.**

1. Выяснить общее представление студенческой молодежи и ее значимого окружения о роли и значимости спорта и занятий физической культурой в реальной жизни.

2. Выяснить особенности мотивации студенческой молодежи к занятиям спортом и физической культурой.

3. Выявить особенности представлений студенческой молодежи о ведении здорового образа жизни.

В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто следующее положение. Представления студенческой молодежи и ее значимого окружения о роли и значимости спорта и физической культуры будут носить социально обусловленный характер и мотивация к занятиям физической культурой будет выражаться в эстетической и социальной направленности.

В качестве пилотного исследования было проведено анкетирование студентов экономического факультета. Было опрошено 50 человек. Анкета содержит стандартные статистические данные (пол, возраст) и касается непосредственно мотивации к занятиям физической культурой и спортом, мнения студентов о здоровом образе жизни и о факторах риска здоровью.

Первым этапом разработки представленной анкеты был сбор данных в ходе беседы на тему о физической культуре и спорте со студентами различных факультетов вуза. Путем экспертной оценки были выявлены наиболее часто повторяющиеся факторы риска, мотивы для занятия спортом и физической культурой. Затем путем количественного подсчета были выявлены факторы, вошедшие в опросник анкеты. Теоретической основой разработки авторской анкеты послужил анализ немногочисленных психологических и социологических исследований молодежи об их отношении к спорту и физической культуре [1, 5, 7, 9]. Обработка анкетных данных проводилась путем количественного подсчета и ранжирования показателей.

Анкета **Инструкция:** при ответе на следующие вопросы отвечайте, пожалуйста, честно, здесь нет правильных и неправильных ответов, нам очень важно узнать Ваше мнение. В правом столбце отметьте знаком «+» все высказывания, которые наиболее точно подходят вашему мнению по каждому вопросу.		
ФИО		
Пол, возраст		
1	**Занимаетесь ли вы спортом или физической культурой?**	
	–да	
	–нет	
2	**Как относятся ваше близкое окружение (родители, друзья) к занятиям физической культурой?**	
	– положительно	
	–отрицательно	
	– не проявляют никакого отношения	
3	**Где и когда вы занимаетесь спортом или физической культурой?**	
	– в вузе	
	– в спортивной секции	
	– в фитнес-центре	
	– самостоятельно	
4	**Каковы ваши мотивы к занятию спортом или физической культурой?**	
	– потребность в эстетическом наслаждении собственной красотой, силой, выносливостью	
	– потребность в самовыражении, самоутверждении, стремление к общественному признанию, славе	
	– стремление через спортивную деятельность подготовить себя к практической жизни	
	– стремление стать сильным, здоровым	
	– чувство долга	
	– потребность в занятии спортом через осознание социальной важности спортивной деятельности	
	– потребность в чувстве удовлетворения от проявления мышечной активности	
	– стремление добиться рекордных результатов, доказать свое спортивное мастерство и добиться победы	
5	**Можно ли считать культурным человека, не заботящегося о своем физическом состоянии ?**	
	– да	
	– нет	
6	**Какие существуют факторы риска здоровью?**	
	– недостаток двигательной активности	
	– курение	
	– злоупотребление алкоголем	
	– конфликты с окружающими	
	– загрязнение окружающей среды	
	– перегруженность учебно–профессиональными и домашними обязанностями	
7	**В чем проявляется ваша забота о своем физическом состоянии?**	
	– поддержание пропорций телосложения	
	– забота о развитии физических качеств	
	– забота о развитии мускулатуры	
	– поддержание соотношения роста и массы тела	
	– сбалансированный распорядок дня	
СПАСИБО ЗА УЧАСТИЕ !		

Полученные данные представлены в процентном отношении. Большинство опрошенных студентов (80 %) занимается физической культурой (фитнес, спортивные секции, занятия в вузе) и небольшое количество студентов (20 %) не занимаются вообще. Большинство из окружения всех студентов считают, что физическая активность необходима и положительно относятся к занятиям спортом (90 %), лишь небольшая часть (10 %) не имеют выраженного отношения.

Таким образом, общее мнение и студентов, и их окружения сводится к необходимости заниматься спортом и высокой значимости физической культуры в жизни человека.

Однако, рассматривая мотивационные факторы, мы увидели расхождение во мнениях. Например, большая часть студентов (58 %) считает, что культурным человеком можно быть и не занимаясь спортом (рис. 1).

Рис. 1. Процентная выраженность отношения студентов к заботе о своем физическом состоянии

Относительно мотивации занятиями физической культурой и спортом, мы выявили, что большинство студентов (20%) испытывают эстетические потребности (развитие собственной красоты, физической силы, выносливости) (рис. 2).

Рис. 2. Мотивы занятия студентами физической культурой и спортом

Из рисунка также видно, что в равной степени мотивация занятием спортом затрагивает потребность в самовыражении, общей подготовке к жизни, поддержание здоровья (по 14 %). Чуть менее выражены социально значимые потребности в занятии спортом. И самый маленький процент (8 %) приходится на физическую потребность и достижение спортивного мастерства. Эти мотивы выражены у студентов, профессионально занимающихся различными видами спорта (легкая атлетика, плавание, борьба).

Говоря о факторах риска, мы выявили, что большинство студентов выдают социально желаемые ответы, повторяя мнение, принятое в обществе (рис. 3.)

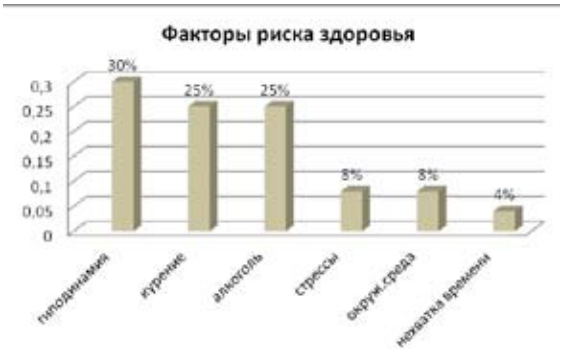

Рис. 3. Выявление факторов риска здоровья

Из рисунка видно, что под факторами риска понимают гиподинамию (30 %), курение и алкоголь (по 25 %). В то же время, как было указано выше, большая часть студентов считает, что быть культурным человеком можно и без физической культуры, а также большая часть студентов (из устного опроса) курит и употребляет спиртные напитки. Меньший процент был выражен по факторам «стрессы», «влияние окружающей среды» и «нехватка времени».

Следующий вопрос анкеты демонстрирует смысловое понимание студентами принципов и направлений заботы о своем физическом состоянии (рис. 4).

Рис. 4. В чем проявляется забота о Вашем физическом состоянии

Из рисунка видно, что большинство студентов называют незначимую, а скорее эстетическую направленность в поддержании физического состояния: поддержание пропорций телосложения (44 %), забота о развитии физических качеств и мускулатуры (соответственно 18 % и 14 %). В то время как основополагающие факторы – баланс распорядка дня, правильное питание получили самый маленький процент в опросе (соответственно 8 % и 6 %).

Вывод. Рабочая гипотеза исследования подтвердилась. По данным анкеты, мы можем сделать вывод, что большинство студентов и их ближайшее окружение (родственники, друзья) высказывают социально принятые мнения о том, что заниматься физической культурой и спортом необходимо

и полезно, в то же время не считают, что физическая культура – необходимое условия для гармоничного развития личности в целом, и физического здоровья в частности. Большинство студентов имеют поверхностную мотивацию занятия спортом (поддержание внешней формы с целью эстетического удовлетворения потребностей) и не имеют верного представления о том, как поддерживать здоровый образ жизни.

Дальнейшим направлением нашего исследования станет изучение мотивационно-ценностного компонента физической культуры личности студентов вуза и выявление критериев повышения мотивации молодежи к занятиям физической культурой и спортом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евсеев Ю.И. Физическая культура, спорт, туризм глазами студенческой молодежи. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
2. Ильин Е.П. Психология физического воспитания. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
3. Концепция развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2005 г. (Распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2002 г. № 1507-р).
4. Малозёмов О.Ю., Прокопенко В.И., Малозёмова И.И. Здоровьесбережение интеллектуально одаренных старших школьников средствами физической культуры: монография. – Екатеринбург, 2003. – 255 с.
5. Матвеев А.П. Теория и методика физической культуры: учебник для институтов физической культуры. – М.: Изд-во МГУ, 1991.
6. Мерлин В.С. Проблемы интегрального исследования индивидуальности. – Пермь: Изд-во ПГПИ, 1977.
7. Попов А.Л. Психология: учебное пособие для физкультурных ВУЗов и факультетов физического воспитания. – М.: Флинта, 2001.
8. Симонов В.П. Мотивированный мозг. – М.: Наука, 1987. – 212 с.
9. Тогунов Е.Н., Мартьянов Б.И. Психология физического воспитания и спорта. – М.: Академия, 2000.
10. Физическая культура студента / под редакцией В.И. Ильинича. – М.: Гардарики, 2000.

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Ларионова Н.Н.

В статье рассматриваются вопросы здорового образа жизни и отношение к нему студентов в реалиях сегодняшнего дня.

Ключевые слова: *здоровый образ жизни, компоненты здорового образа жизни, физическая культура, пропаганда здорового образа жизни, мотивы занятий физической культурой и спортом.*

Пристальное внимание к здоровому образу жизни студентов в последнее время связано с озабоченностью общества здоровьем специалистов, выпускаемых высшей школой, ростом заболеваемости в процессе профессиональной подготовки студентов и последующим снижением их работоспособности. Необходимо отчетливо представлять, что не существует здорового образа жизни как некой особенной формы жизнедеятельности вне образа жизни в целом.

Здоровый образ жизни отражает обобщенную типовую структуру форм жизнедеятельности студентов, для которой характерно единство и целесообразность процессов самоорганизации и самодисциплины, саморегуляции и саморазвития, направленных на укрепление адаптивных возможностей организма, полноценную самореализацию их сущностных сил, дарований и способностей в общекультурном и профессиональном развитии, жизнедеятельности в целом.

Здоровый образ жизни создает для личности такую социокультурную среду, в условиях которой возникают реальные предпосылки для высокой творческой самоотдачи, работоспособности, трудовой и общественной активности, психологического комфорта, наиболее полно раскрывается психофизиологический потенциал личности, актуализируется процесс ее самосовершенствования. В условиях здорового образа жизни ответственность за здоровье формируется у студента как часть общекультурного развития, проявляющаяся в единстве стилевых особенностей поведения. Способности настроить себя как личность в соответствии с собственными представлениями о полноценной в духовном, нравственном и физическом отношении жизни [3].

Организуя свою жизнедеятельность, личность вносит в нее упорядоченность. Это может быть определенный режим, когда студент регулярно в одно и то же время питается, ложиться спать, занимается физическими упражнениями, использует закаливающие процедуры. Устойчивой может быть и последовательность форм жизнедеятельности: после учебной недели один выходной день посвящается общению с друзьями, другой – домашним делам, третий – занятиям физкультурой или спортом [4].

Навязать образ жизни студенту извне нельзя. Личность имеет реальную возможность выбора значимых для нее форм жизнедеятельности, типов поведения, обладая определенной автономностью, каждая личность формирует свой образ действий и мышления. Личность способна оказывать влияние на содержание и характер образа жизни группы, коллектива, в котором она находится.

Состояние здоровья отражается на всех сферах жизни людей. Полнота и интенсивность жизненных многообразных проявлений человека непосредственно зависит от уровня здоровья.

Здоровье влияет на качество трудовых ресурсов, на производительность труда и тем самым на динамику экономического развития общества.

Уровень здоровья и физического состояния являются одним из важнейших условий качества рабочей силы.

Потребность в здоровье носит всеобщий характер, она присуща как отдельным индивидам, так и обществу в целом. Внимание к собственному здоровью, способность обеспечить индивидуальную профилактику его нарушений, сознательная ориентация на здоровье различных форм жизнедеятельности – все это показатели общей культуры человека [5].

Сохранение и укрепление индивидуального здоровья невозможно без ориентации на здоровый образ жизни, а со временем и выработку здорового стиля жизни.

Изучение ценностных ориентаций студенческой молодежи на здоровый образ жизни, проведенное в Южном федеральном университете посредством анкетирования, показал, что наибольший процент студентов (от 70 до 93 %) считают, что это общечеловеческие ценности. В их категорию они отнесли силу воли, собранность, удачную семейную жизнь, мужество и честность, умение общаться с людьми, здоровье, всестороннее развитие личности, интеллектуальные способности, умение красиво и выразительно двигаться [1].

Иметь хорошее телосложение, физическое состояние, авторитет среди окружающих считают правильным от 62 до 65 %. Условно эту группу ответов можно определить как группу «преимущественных ценностей».

Третья группа ценностей получила наименование «противоречивых» по причине того, что в них одновременно представлены признаки большого и небольшого значения – это от 35 до 61 % опрошенных. К ним относится, по мнению респондентов, наличие материальных благ, успехи в работе и учебе, занятия физической культурой и спортом, высокий уровень развития физических качеств, активный, интересный отдых.

В четвертую группу так называемых «частных» ценностей, содержанию которой студенты придают небольшое значение или не ценят вообще, вошли физическая подготовленность к будущей профессиональной деятельности, общественная активность, знания о строении и функционировании систем человеческого организма. Так считает от 15 до 28 % опрошенных студентов.

Полученные в результате опроса данные позволяют сделать вывод о том, что существует противоречие между абсолютной ценностью общих положений здорового образа жизни и конкретными ценностями его поддержания, в том числе и профессионального здоровья будущего специалиста народного хозяйства. Разрешение этого противоречия должно стать одной из ведущих задач в биосоциальном развитии студента.

Для выяснения соотношения общей культуры и культуры физической выяснилось: 21,5 % респондентов считают возможным «считать культурным человека, не заботящегося о своем физическом состоянии», 50% отрицают такую взаимосвязь, при 26,7 % затруднившихся с ответом на поставленный вопрос.

Таким образом, половина опрошенных студентов имеют определенное представление о тесной взаимосвязи общей культуры и культуры физической в своем личностном развитии и в соответствии с этим принимают поведенческие решения.

Суждения студентов о влиянии физической культуры на общекультурное развитие личности в большей степени связаны с улучшением форм физического и функционального развития. Заметное снижение влияния физической культуры на другие стороны личности и ее деятельность обусловлены постановкой физического воспитания в вузах, недостаточной реализацией ее гуманитарной составляющей, негативным опытом предшествующих занятий, воздействием ближайшего окружения и другими причинами.

В результате исследования выяснилось, что менее четверти студентов приобщено к регулярным занятиям физической культурой и спортом в свободное от учебы время. В связи с этим наблюдается недостаточная эффективность пропаганды здорового образа жизни, в том числе и преподавателями физической культуры [2].

Студенты не могут полно и емко перечислить все компоненты здорового образа жизни. Среди факторов риска здоровью отмечают, прежде всего, злоупотребление алкоголем – 75,6%, табакокурение – 73,5 %, что отражает один из стереотипов пропаганды здорового образа жизни. Между тем на недостаток двигательной активности и как следствие на гиподинамию, указали только 38,5 % студентов; на экологические факторы, негативно влияющие на здоровье – 29,2 % респондентов; на конфликтные ситуации с окружающими и как следствие – стрессовые ситуации указали – 28,9 %; на перегруженность учебно-профессиональными и бытовыми обязанностями – 7,6 %. В то же время напряженный режим учебного труда, особенно в период экзаменационных сессий, как показали многие исследования существенный фактор для возникновения патологических отклонений в состоянии здоровья студентов.

Далее мы постарались выяснить у студентов побуждающие мотивы к поддержанию оптимального уровня физического состояния. Оказалось, что поддерживать свое физическое состояние для 68 % опрошенных необходимо для того, чтобы уверенно чувствовать себя среди окружающих людей, больше нравиться им, вызывать у них уважение. Получать удовольствие от двигательной деятельности, ощущать мышечную радость и красоту движений собственного тела, чувствовать высокий мышечный тонус – основной мотив для 44,1 % опрошенных.

В приобщении студентов к физической культуре необходимо обращать внимание на разнообразие эмоциональных и рекреативных эффектов физической культуры. Стремление достигнуть высоких спортивных результатов престижно лишь для очень

ограниченного круга сегодняшних студентов, к этому стремиться 2,5 % девушек и 6 % юношей.

При этом возможности физической культуры как средства поддержания умственной работоспособности еще не получили должной оценки у студентов. Только менее четверти опрошенных студентов согласны с положительным влиянием физических упражнений на работоспособность студенческой молодежи. Такое положение вызвано ограниченным образовательным потенциалом учебных занятий по физическому воспитанию. Во многих вузах отсутствуют теоретические и методико-практические занятия по физической культуре.

Среди основных причин, которые мешают студентам заниматься своим физическим состоянием были:

– нехватка времени для занятий физической культурой и спортом. Так считают 18,4 % девушек и 41,5 % юношей;
– отсутствие силы воли, настойчивости, упорства – ответили 17,5 % девушек и 20,7 % юношей.

Не секрет, что в настоящее время почти половина студенческой молодежи сочетает учебу с работой временного или постоянного характера и, поэтому заниматься своим физическим состоянием им практически не хватает времени. Тем же, кто «может, но не хочет» – не хватает организованности и требовательности к себе в организации своей жизнедеятельности, где органично должно присутствовать волевое начало.

Забота о своем физическом состоянии у девушек и юношей имеет свои отличия. Для девушек, прежде всего, важно заниматься физическими упражнениями чтобы поддерживать внешнюю форму: пропорции телосложения – 27 %, соотношение роста и массы тела – 54 %, особенности фигуры и т. д. Мужская половина студентов озабочена: развитием мускулатуры тела – 61,2 %, пропорцией телосложения – 50 %, развитием всевозможных физических качеств – 32–47 %. Это естественно, так как женская половина студенчества хочет видеть себя стройными, красивыми, а мужская – сильными и хорошо физически сложенными.

Полученные данные говорят об отсутствии у большинства студентов активных усилий по поддержанию своего физического состояния. Даже в количественном отношении число случаев систематического использования необходимых средств для этой цели (6 %) существенно уступает числу случаев пренебрежения этими средствами (70 %). Простые и доступные средства релаксации, восстановления и реабилитации, которые могут быть использованы как дополняющие физические упражнения – не используются студентами. О влиянии их на организм человека они или не знают, или знают недостаточно хорошо. Речь идет о массаже и самомассаже, закаливании, аутогенной тренировке, фитотерапии, аромотерапии и других. Все это опять же свидетельствует о существенных изъянах в их образовательной подготовке. А наличие в арсенале средств регулирования физического состояния табака, алкоголя и даже наркотиков, с одной стороны, характеризует ограниченный выбор средств, с другой – говорит об отсутствии валеологического мышления и как следствия, соответствующего поведения у большинства студентов.

Во внеучебной деятельности физкультурно-спортивная активность студентов низка. Не принимают участия в спортивно-массовых и оздоровительно-физкультурных мероприятиях 60 % девушек и 46 % юношей. В спортивных мероприятиях факультета участвуют только 25 % девушек и 35 % юношей, а в сборных командах вуза участвуют соответственно 3,5 и 8,4 % студентов.

Женская половина студенчества отдает предпочтение достаточно регулярным занятия физической культурой, но небольшим по продолжительности (4 раза в неделю по 45 мин). Мужская же половина студентов предпочитает редкие, не более 3-х раз в неделю занятия, но продолжительные по времени (от 1,5 до 2 ч).

При планировании и проведении самостоятельных занятий, регулировании нагрузки в процессе занятий от 24 до 37 % студентов ориентируются только на свое самочувствие. При этом 57,5 % девушек и 33,6 % юношей не могут использовать при проведении самостоятельной тренировки, какие-либо функциональные показатели, показатели физического состояния организма по причине отсутствия необходимых для этого знаний.

Путь к общекультурному развитию и здоровью начинается с овладения знаниями. Они опережают практику, указывают путь ее преобразования, превращают знания в элементы сознания, расширяя и перерабатывая их в убеждения. А убеждения строятся не столько на логическом характере знаний, сколько на их практическом смысле.

Основной источник информации для студентов – занятия по физической культуре – теоретические, методико-практические, учебно-тренировочные, так считают 38–51 % опрошенных. К большому огорчению не во всех вузах присутствуют все три формы организации учебно-воспитательного процесса по предмету «Физическая культура». В основном проводятся только учебно-тренировочные занятия. Практически нет разработанных учебно-методических рекомендаций по проведению методико-практических занятий по физической культуре.

Заметно влияние средств массовой информации на формирование у студентов позитивного отношения к здоровью и здоровому образу жизни. Это газеты,

журналы, теле- и радиорепортажи, интернет (от 25 до 44 %). Редко используется информация, полученная из специальной литературы, от посещения спортивных зрелищ – так считают только 14 % опрошенных. В качестве значимой для них информации студенты отмечают информацию о рациональном питании, методике занятий оздоровительной ходьбой и бегом, методике использования гимнастических и дыхательных упражнений, закаливании, нетрадиционным системам физических упражнений, самоконтроле в процессе занятий физическими упражнениями, о вопросах регулирования половой жизни (до 70 %). Повышенный интерес студентов к вопросам половой жизни отражает актуализацию одной из важных социально-биологических функций молодежи – репродуктивную.

Анализ полученной информации свидетельствует о мозаичности структуры знаний студентов о здоровом образе жизни и значении физической культуры и спорта в формировании его, их недостаточной упорядочности и взаимосвязи. Имеющиеся знания о здоровом образе жизни не обладают необходимым функциональным характером для использования их в повседневной жизнедеятельности, а студентам не хватает поисково-познавательной активности для их пополнения и расширения.

Преподавателям физического воспитания необходимо усилить работу по пропаганде здорового образа жизни среди студенческой молодежи, переорентируя ценностные установки занимающихся физической культурой. С этой целью целесообразно рекомендовать реализацию в полной мере программы по физической культуре в вузе, где предусмотрены часы на теоретический и практический разделы. Особое внимание необходимо уделить методико-практическим занятиям. На сегодняшний день данный раздел программы почти не разработан и не используется в практике вузовской физической культуры.

Возможные пути решения проблемы.

1. Предусмотреть в учебном плане университета часы на теоретический раздел дисциплины «Физическая культура» и факультативные занятия по физической культуре.

2. Реализовать в полном объеме часы (400) на дисциплину «Физическая культура».

3. Требовать возвращения дисциплины на юридические специальности вузов утерянных в стандарте третье поколения подготовки специалистов высшей школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларионова Н.Н. Проблемы здоровья и здорового образа жизни студенческой молодежи // Психологический вестник. – 1999. – Вып. 4.
2. Ларионова Н.Н. Мотивы оздоровительной деятельности студентов // Физическая культура в вузах на рубеже тысячелетия: сборник статей. Ч. 2. – Санкт-Петербург, 2000.
3. Сущенко А.А. Роль здорового образа жизни в развитии общества // Сборник научных материалов XX Российской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых. – Ростов-на-Дону. – С. 123–126.
4. Торопкова И.И. Роль спорта и физической культуры в жизни современного студента // Сборник научных материалов XX Российской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых. – Ростов-на-Дону. – С. 210–212 .
5. Фау С.В. Воспитание ценностного отношения студентов вуза к сохранению репродуктивного здоровья // Современные подходы к совершенствованию физического воспитания и спортивной деятельности учащейся молодежи: материалы международной научно-методической конференции. – Владимир, 2009. – С. 335–339.

КУЛЬТУРА ЗДОРОВЬЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ К ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ У СТУДЕНТОВ

Рыбчинская С.П.

Культура здоровья является основным на сегодняшний день, опробованным и результативным инструментом формирования мотивации к ЗОЖ. Получив знания о том, что же такое здоровый образ жизни в действительности, составив свою индивидуальную (учитывающую непосредственно личные данные) программу оздоровления, молодой человек может ее осознано реализовать в жизнь, сохраняя свое собственное здоровье.

Ключевые слова: *культура здоровья, здоровьесбережение, здоровьесберегающие технологии.*

В современном Российском обществе, на данном этапе его социокультурного развития, как никогда актуальным становится вопрос о здоровье населения – это является одной из основных и приоритетных задач нашего правительства. За последние 20 лет переходного периода от советского к российскому, от социализма к капитализму в ходе, не всегда положительно сказавшихся на психологическом здоровье населения, реформ вопрос о здоровье и здоровье сбережении становится все более значимым.

Фундамент здоровья человека закладывается с раннего детства и определяется его возрастными особенностями и влиянием условий окружающей среды на растущий организм.

Еще в начале XX столетия известный русский педиатр Н.П. Гундобин говорил: «Задача современной медицины, в широком значении этого слова, – предупредить развитие болезни. К кому же, как ни к детям, она должна быть применена, к детям – будущим членам общества» [1]. Соответственно, здоровье наших учащихся уже в значительной степени сформировано и складывается из того уровня здоровья, которое дали ему родители, детский сад, школа, общество. На протяжении последних десятков лет состояние здоровья учащихся резко снизилось.

Обоснованную тревогу вызывает состояние детей и подростков. Исследования, проведенные Институтом возрастной физиологии РАО, показали, что по уровню и структуре хронической и острой заболеваемости сельские школьники мало отличаются от городских. Серьезные опасения вызывает резкий подъем частоты социально-обусловленных болезней, распространение экологически детерминированных заболеваний и значительно ухудшившиеся в последнее десятилетие показатели физического развития детей. Болезни, характерные для технократической цивилизации, не обошли стороной и нашу страну. Число детей и подростков, страдающих хроническими заболеваниями, стремительно растет. Уже при поступлении в школу эти болезни выявляются у детей (около 50 %), а к окончанию школы показатели достигают 80–90 %. Наибольшее распространение и бурный рост имеют аллергические и гастроэнтерологические заболевания, что ставит перед современной школой еще одну сложную задачу – решение проблемы организации сбалансированного питания для таких детей. С начала 1990-х гг. более чем в 3 раза увеличилось число школьников, имеющих сердечно-сосудистые заболевания.

Наркомания и алкоголизм, появившиеся в последние годы, среди детей и подростков – реалии, с которыми приходится ежедневно сталкиваться в процессе обучения и воспитания современному педагогу.

По данным НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н.А. Семашко, в настоящее время национальная политика здравоохранения во многих странах мира развивается под ощутимым влиянием Глобальной и региональных стратегий Всемирной Организации Здравоохранения по достижению здоровья для всех. Улучшение показателей здоровья, в основном, достигается через решение следующих реальных практических задач: укрепление и расширение здорового образа жизни населения, снижение распространенности вредных для здоровья привычек, поведения и питания, оздоровление окружающей среды.

Основными факторами здоровья являются:

– отношение к прошлому и будущему – в значительной степени большинство негативных сторон

в здоровье, сокращение продолжительности жизни за ее последние десятилетия связаны с ломкой представлений об историческом опыте человечества, игнорированием норм и правил организации жизни людей, их взаимоотношений. К этой группе факторов следует отнести, прежде всего, эволюционную и генетическую сущность человека;
- отношение к себе как индивидууму – личности;
- фактор личной гигиены;
- рациональное регулирование деятельности внутренних органов: выработка полезных для здоровья стереотипов, привычек в жизни, деятельности;
- значение адекватной самооценки для здоровья человека велико, потому что оно является исходным элементом для формирования эмоций, то есть соотношением результатов собственной деятельности с последствиями ее реальной ситуации, а, следовательно, со стрессом;
- выбор интересов, профессий, видов деятельности соответствующих способностям, наклонностям и интересам, то, что называется найти себя, свое амплуа, свое место в жизни;
- отношение к семье, коллективу, обществу.

Можно говорить о трех видах здоровья: о здоровье физическом, психическом и нравственном (социальном):
- физическое здоровье – это естественное состояние организма, обусловленное нормальным функционированием всех его органов и систем. Если хорошо работают все органы и системы, то и весь организм человека, как саморегулирующаяся система, функционирует и развивается нормально;
- психическое здоровье зависит от состояния головного мозга, оно характеризуется уровнем и качеством мышления, развитием внимания и памяти, степенью эмоциональной устойчивости, развитием волевых качеств;
- нравственное (социальное) здоровье определяется теми моральными принципами, которые являются основой социальной жизни человека, т. е. жизни в определенном человеческом обществе. Отличительными признаками нравственного здоровья человека являются, прежде всего, сознательное отношение к труду, овладение сокровищами культуры, активное неприятие нравов и привычек, противоречащих нормальному образу жизни. Физически и психически здоровый человек может быть нравственным уродом, если он пренебрегает нормами морали. Поэтому социальное здоровье считается высшей мерой человеческого здоровья. Нравственно здоровым людям присущ ряд общечеловеческих качеств, которые и делают их настоящими гражданами [2].

Как показывают опросы, проводимые мной в начале занятий по культуре здоровья, студенты третьего курса имеют весьма смутные представления о здоровье, здоровьесбережении и здоровьесберегающих технологиях, обладают скорее обрывочными, а, зачастую, и неверными знаниями в этой области. Призывы к здоровому образу жизни, как правило, воспринимаются ими как популизм, совершенно не ненужный в их повседневной жизни.

Само понятие ЗОЖ стало неким клише, частично потерявшим свое первоначальное значение. Но человек не может осознано заниматься своим здоровьем и сохранением его ресурсов, не имея об этом ни малейшего представления.

Основными факторами риска для здоровья являются следующие:
- некачественное, несбалансированное питание, избыточный вес;
- отсутствие сформированной физической активности, осознанной потребности в регулярной физической тренировке, гиподинамия, недостаточный объём оздоровительной двигательной деятельности;
- экологически неблагоприятные условия (труда, жилья, отдыха);
- беспорядочный режим труда и отдыха;
- недостаточные сон и восстановление, перегрузки;
- злоупотребление алкоголем, употребление наркотиков, табакокурение;
- вредность «пьяного зачатия», несоблюдение норм поведения в быту, семье, отрицательное влияние на детей родителей, учителей, не соблюдающих требования здорового образа жизни;
- неудовлетворенность жизнью, работой, положением в семье, одиночество, недостаток общения;
- длительная фиксация сознания на неудачах, ошибках, стрессовых состояниях;
- вредные для здоровья эмоции (злоба, зависть, агрессивность);
- отсутствие или неясность цели в жизни;
- отсутствие или недооценка менталитета здоровья;
- низкий уровень общей, нравственной, духовной, физической культуры, отсутствие здорового стиля жизни;
- недооценка здоровья в иерархии потребностей человека;
- незнание людей о возможностях укрепления здоровья или соответствующие знания не стали для них правилом здоровой жизни;
- физиологические состояния, влияющие на жизнедеятельность человека (период полового созревания, климакс, старость);
- слабое участие средств массовой информации в активной пропаганде здоровья [3].

Одними из важнейших отрицательных факторов в данной цепи, влияющих на здоровье, являются нерациональное питание, гиподинамия, алкоголизм, наркомания.

Проводимые мной в течение четырех лет исследования показывают, что у старших школьников (10–11 классы) и студентов (1–5 курс) показатели здоровья значительно снижаются (у некоторых до 30 %), нарастает агрессивность, появляются многие хронические заболевания. То есть к моменту окончания профессиональной подготовки общество получает не только дипломированного специалиста, но и человека с низким уровнем здоровья, что в корне неправильно.

Среди опрошенных респондентов было выявлено 25,3 ± 3,2 % студентов, имеющих хронические заболевания. Из них 53,7 ± 4,5 % состоят на диспансерном учете. При этом, как показывают полученные данные, число студентов, страдающих хроническими заболеваниями, стремительно растет – с 17,4 % в 2007 г. до 28,4 % в 2010 г.

Из факторов, мешающих заниматься своим здоровьем, студенты отметили недостаток времени – 35,0 ± 1,5 %, материальные затруднения – 19,0 ± 1,2 %, отсутствие условий – 17,3 ± 1,2 %, и лень – 16,9 ± 1,2 %.

Задумываются о своем здоровье 17,0 ± 0,8 % опрошенных студентов, считают себя здоровыми 11,2 ± 0,7 %, занимаются спортом 8,7 ± 0,6 %, воздерживаются от вредных привычек 13,0 ± 0,7 %.

Анализ ответов респондентов показал: не курят – 52,5 ± 5,0 % юношей и 81,7 ± 2,1 % девушек. Курят 1–5 лет – 20,2 ± 4,0 % юношей и 6,3 ± 1,3 % девушек, нерегулярно курят 7,1 ± 2,6 % и 9,0 ± 1,6 % соответственно. Юноши курят более часто, что является статистически достоверным. Эпизодически употребляют спиртные напитки 42,3 ± 4,7 % юношей, 41,7 ± 2,7 % девушек. Один раз в месяц – 19,8 ± 3,8 % и 10,9 ± 1,7 % соответственно, не употребляют 20,7 ± 3,8 % и 38,6 ± 2,7 % соответственно. Юноши более часто употребляют алкоголь, что статистически достоверно. Основной причиной вредных привычек студенты считают стрессы, вызванные перегруженностью учебных программ.

Свободного времени у учащихся недостаточно. Большую часть свободного времени студенты предпочитают встречаться с друзьями – 21,1 ± 1,1 %, спать – 19,3 ± 1,1 %, т. е. досуг молодых людей не обеспечивает восстановление затраченных сил после учебной деятельности. Для оптимального восстановления сил молодежи необходимы занятия физкультурой и спортом, а из опрошенных студентов лишь 11,3 ± 1,3 % занимаются утренней гимнастикой. Ходят на занятия физкультурой 54,0 ± 2,1 % студентов, посещают спортивные секции 34,7 ± 2,0 %.

Питание студентов однообразное и беспорядочное. Бывают длительные перерывы в еде с последующей массивной пищевой нагрузкой в вечернее время.

Исследование репродуктивного здоровья студентов показало, что 68,7 ± 2,2 % живут половой жизнью, причем, большинство из них имеют постоянного полового партнера – 84,4 ± 2,1 %. Из живущих половой жизнью 82,9 ± 2,2 % применяют методы контрацепции.

Однако у студентов прошедших курс: «Культура Здоровья» эти показатели значительно выше, чем у их сверстников, что, в свою очередь, говорит о некой положительной динамике.

Именно культура здоровья является инструментом формирования мотивации к ЗОЖ , получив знания о том, что же такое здоровый образ жизни в действительности, составив свою индивидуальную (учитывающую непосредственно личные данные) программу оздоровления, молодой человек может ее осознано реализовать в жизнь, сохраняя свое собственное здоровье .

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева О.С. Роль образования в сфере психологии здоровья в формировании системы гуманистических ценностей // Российский психологический журнал. – 2010. – Т. 7. – № 5-6. – С. 44–49.
2. Васильева О.С. Здоровьесберегающие технологи в образовании как стратегический аспект управления будущим // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Функциональное состояние и здоровье человека. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 228–230.
3. Диагностика здоровья. Психологический практикум / под ред. проф. Г.С. Никифорова. Раздел: Детский и подростковый возраст / О.В. Украинец, А.А. Гаврилина. – СПб.: Речь, 2007.
4. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология и культура здоровья: учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2011. – 176 с.
5. Васильева О.С. Формирование культуры здоровья в поликультурном образовательном пространстве школы // Формирование культуры здоровья в образовательном пространстве школы: сборник трудов. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 40–49.
6. Активные формы социально-психологического обучения / отв. ред. В.В. Дударев. – М., 2000.
7. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2007.
8. Быков А.К. Методы активного социально-психологического обучения: учебное пособие. – М.: Сфера, 2005.
9. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности: учебное пособие. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 301 с.

ОСОБЕННОСТИ ФОНОВОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЗГА ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С РАЗНЫМИ ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ

Саакян О.С.

В данной статье изучаются мощностные особенности фоновой ЭЭГ у юношей и девушек с разным уровнем креативности, успеваемости и профилем латеральной организации (ПЛО). Показано влияние факторов пола, уровня креативности и ПЛО на мощностные характеристики ЭЭГ. Выявлена большая активность левой париетальной, правой центральной и затылочной зон мозга в состоянии покоя у юношей и девушек с высоким уровнем креативности; темпоральной и париетальной зон мозга левого полушария у юношей и девушек со средним и низким уровнем креативности. Показано, что в состоянии покоя функциональная межполушарная асимметрия фоновой активности мозга представлена доминированием левого париетального, средне-фронтального и центрального отделов мозга у юношей и девушек с правым ПЛО.

Ключевые слова: *фоновая активность ЭЭГ, мощность, пол, уровень креативности, уровень успеваемости, профиль латеральной организации (ПЛО).*

В последние годы исследования «фонового» состояния активности мозга набирают популярность. Многими исследователями была выявлена связь между изменением активности мозга при решении функциональных проб с его предшествующим состоянием покоя [5, 6], между «фоновым» состоянием и индивидуальными особенностями личности [1, 2, 3, 4]. Особый интерес, в этом отношении, представляет связь полушарной активности с креативностью и функциональной асимметрией мозга.

В данном исследовании мы оценили особенности фонового состояния активности мозга юношей и девушек в зависимости от уровня креативности, успеваемости и профиля латеральной организации (ПЛО). Группу обследуемых составили студенты 2–5 –х курсов ЮФУ в количестве 190 человек в возрасте от 18 до 23 лет, из них 93 юношей и 97 девушек.

В исследовании использовались следующие психодиагностические методики: методика использования предметов Гилфорда в модификации Туник (для диагностики вербальной креативности), тест Торренса «Завершение картинок» (для диагностики невербальной креативности), методика определения профиля функциональной межполушарной асимметрии Т.А. Брагиной и Н.Н. Доброхотовой, метод электроэнцефалографии (ЭЭГ), метод экспертной оценки.

Все респонденты, принявшие участие в исследовании, были разделены в зависимости от пола, профиля латеральной организации (ПЛО) и уровня академической успеваемости. По ПЛО испытуемые были поделены на представителей с левым, правым и смешанным ПЛО. По уровню академической успеваемости – на высокоуспевающих, среднеуспевающих и низкоуспевающих.

Математическая обработка осуществлялась при помощи пакета компьютерных программ «STATISTICA 6.0».

Дисперсионный анализ показателей мощности ЭЭГ в фоновом состоянии осуществлялся в частотных диапазонах тета1, тета2, альфа1, альфа2, бета1 и бета2, где независимыми факторами выступали ПОЛ, КРЕАТИВНОСТЬ, УСПЕВАЕМОСТЬ, ПЛО, а зависимой переменной – ЗОНА МОЗГА и ПОЛУШАРИЕ. Сравнительный анализ осуществлялся с использованием post hoc обработки с помощью критерия Тьюки (при $p < 0,05$). В таблице 1 приведены обнаруженные эффекты ANOVA взаимодействия данных факторов и их влияние на зависимую переменную.

Таблица 1

Результаты ANOVA взаимодействия факторов: пол, креативность, успеваемость, ПЛО при оценке мощностных характеристик ЭЭГ

факторы	диапазон	F	p
КРЕАТИВНОСТЬ х ПОЛ	тета1	20,512	0,0032197
ПОЛ х ПЛО		24,981	0,000187
ПЛО х УСПЕВАЕМОСТЬ		22,160	0,001224
КРЕАТИВНОСТЬ х ПОЛ	тета2	68,624	0,000326
ПОЛ х ПЛО		100,339	0,011322
ПЛО х УСПЕВАЕМОСТЬ		69,812	0,015412
КРЕАТИВНОСТЬ х ПОЛ	альфа1	74,71	0,000197
ПОЛ х ПЛО		46,502	0,003176
ПЛО х УСПЕВАЕМОСТЬ		56,80	0,001236
КРЕАТИВНОСТЬ х ПОЛ	альфа2	43,194	0,000144
ПОЛ х ПЛО		24,22	0,003214
ПЛО х УСПЕВАЕМОСТЬ		98,38	0,001154
КРЕАТИВНОСТЬ х ПОЛ	бета1	4,61	0,001397
ПОЛ х ПЛО		87,31	0,002065
ПЛО х УСПЕВАЕМОСТЬ		91,14	0,003131
КРЕАТИВНОСТЬ х ПОЛ	бета2	40,61	0,002003
ПОЛ х ПЛО		87,31	0,003583
ПЛО х УСПЕВАЕМОСТЬ		26,9850	0,000013

При взаимодействии факторов ПОЛ х КРЕАТИВНОСТЬ в тета1-диапазоне с последующим post hoc анализом фонового состояния активности мозга у среднекреативных девушек мощность выше в центральных зонах мозга. Данная картина была выявлена и при анализе бета1-диапазона. Для высококреативных девушек мощность выше в париетальной зоне правого полушария, по сравнению с юношами с соответствующим уровнем креативности. При взаимодействии факторов ПОЛ х ПРОФИЛЬ в данном частотном диапазоне выявлены различия в фоновой ЭЭГ для групп с правым и левым ПЛО. Для девушек с правым ПЛО характерны более высокие показатели мощности в париетальной и центральной зонах левого полушария. Для девушек с левым ПЛО – в лобной зоне правого полушария. При взаимодействии факторов УСПЕВАЕМОСТЬ х ПЛО для низкоуспевающих испытуемых показатели мощности тета1-диапазона достоверно выше в центральной зоне правого и париетальной зоне левого полушарий по сравнению с лицами со средней и высокой успеваемостью.

В тета2-диапазоне при анализе взаимодействия факторов ПОЛ х КРЕАТИВНОСТЬ у юношей со средним уровнем креативности мощность выше в левой центральной зоне, в то время как у юношей с высокой креативностью – в затылочной левой зоне мозга. Для девушек с низким уровнем креативности мощность тета2-ритма была выше в левой темпоральной, правой центральной зонах мозга по сравнению с девушками со средним и высоким уровнем креативности. В тета2-диапазоне при взаимодействии факторов ПОЛ х ПЛО также выявлены различия в фоновой ЭЭГ для групп с левым и правым ПЛО. Для юношей с правым ПЛО мощность была выше в париетальной левой зоне мозга в отличие от девушек с соответствующим профилем; для девушек с левым ПЛО – мощность выше в правой центральной зоне мозга. Взаимодействие факторов УСПЕВАЕМОСТЬ х ПЛО выявило, что для испытуемых с правым ПЛО и высоким уровнем успеваемости характерно усиление мощности в средне-фронтальной зоне левого полушария. Для испытуемых с левым ПЛО – показатели мощности достоверно выше в правой центральной зоне мозга.

Анализ альфа1- и альфа2-диапазонов показал следующее. При взаимодействии факторов ПОЛ х КРЕАТИВНОСТЬ для низкокреативных девушек было характерно усиление мощности в левой затылочной, правой париетальной и центральной правой зонах мозга. Для низкокреативных юношей – в правой и средне-фронтальной левой зонах мозга. В альфа2-диапазоне для девушек с высокой и средней креативностью мощность достоверно выше в правой затылочной и правой центральной зонах мозга. В альфа1-диапазоне при взаимодействии факторов ПОЛ х ПРОФИЛЬ существенных различий в фоновой ЭЭГ между группами не выявлено, кроме более высоких показателей мощности в средне-фронтальных зонах обоих полушарий, центральной зоне правого полушария для девушек с левым ПЛО.

В альфа2-диапазоне при взаимодействии соответствующих факторов для девушек с левым и смешанным ПЛО были характерны более высокие показатели мощности в правой затылочной и париетальной зонах мозга, в отличие от юношей. Для девушек же с правым ПЛО показатели мощности по данному диапазону были выше в париетальной зоне правого и левого полушарий мозга.

Оценка взаимодействия факторов УСПЕВАЕМОСТЬ х ПЛО в альфа1-диапазоне выявила следующие особенности для лиц с низкой успеваемостью. В фоновой активности коры у испытуемых со смешанным ПЛО и низкой успеваемостью мощность выше в левой затылочной зоне. Для низкоуспевающих испытуемых с правым ПЛО мощность выше в темпоральной правой зоне мозга, для лиц с левым ПЛО – в альфа1- и альфа2-диапазонах – в центральной затылочной

зоне мозга. В альфа2-диапазоне для лиц с низкой успеваемостью и смешанным ПЛО характерны более высокие показатели мощности в париетальной, центральной, темпоральной зонах правого полушария. Для лиц с правым ПЛО существенные особенности выявлены только для среднеуспевающих: усиление мощности в темпоральных зонах обоих полушарий, средне-фронтальной зоне левого полушария.

В бета1- и бета2-диапазонах при взаимодействии факторов ПОЛ х КРЕАТИВНОСТЬ для высококреативных девушек, в отличие от высококреативных юношей, мощность выше в левой париетальной и правой центральной зонах мозга. Для девушек с низкой креативностью мощность в левой затылочной и центральной зонах мозга достоверно выше, чем у юношей с соответствующим уровнем креативности. По сравнению с юношами, для девушек со средним уровнем креативности в бета1-диапазоне мощность выше в затылочных зонах обоих полушарий; в бета2-диапазоне – в центральной правой и париетальной левой зонах мозга.

При взаимодействии факторов ПОЛ х ПРОФИЛЬ в бета1- и бета2-диапазонах у девушек со смешанным ПЛО мощность выше в правой затылочной зоне мозга; у юношей – в центральной левой зоне мозга. Для девушек с правым ПЛО в бета1-диапазоне мощность выше в правой и левой центральных зонах мозга; для юношей – в средне-фронтальной левой зоне. В бета2-диапазоне существенные особенности характерны для девушек с правым ПЛО – более высокие показатели мощности в левой затылочной зоне. В бета1-и бета2-диапазонах для девушек с левым ПЛО показатели мощности выше в средне-фронтальной левой и центральной правой зонах мозга, у юношей с соответствующим профилем – в левой темпоральной и правой средне-фронтальной зоне.

При взаимодействие факторов УСПЕВАЕМОСТЬ х ПРОФИЛЬ у лиц с низкой успеваемостью со смешанным ПЛО в бета1- и бета2-диапазонах мощность выше в центральной и темпоральной зонах левого полушария, в отличие от лиц с высокой успеваемостью. Испытуемые с правым ПЛО и низкой успеваемостью демонстрируют более высокие показатели мощности в левой париетальной и правой центральной зонах мозга. Для испытуемых с высокой и средней успеваемостью характерно усиление показателей мощности в средне-фронтальной и темпоральной зонах левого полушария. Больше существенных различий в фоновых показателях ЭЭГ не выявлено.

Таким образом, фоновая электрическая активность коры мозга связана с индивидуальными особенностями респондентов. Большое влияние на мощностные характеристики ЭЭГ оказывает сочетание факторов пола, уровня креативности и профиля латеральной организации.

Анализ связи таких факторов как уровень креативности и пол с электрической активностью коры показал, что для юношей и девушек с высоким уровнем креативности мощность выше в левой париетальной, правой центральной и затылочной зонах мозга. Это говорит о том, что уже в фоновой электрической активности мозга у высококреативных намечается связь между задними и передними отделами мозга, активность которых наиболее интенсивна при решении эвристических задач данной группой людей. У юношей и девушек с низким и средним уровнем креативности более активны темпоральная и париетальная зоны левого полушария.

Мощностные особенности организации ЭЭГ у юношей и девушек связаны с разным уровнем успеваемости и разным профилем латеральной организации. Функциональная межполушарная асимметрия фоновой активности мозга представлена доминированием левого париетального, средне-фронтального и центрального отделов мозга у юношей и девушек с правым ПЛО. Для юношей и девушек с левым и смешанным ПЛО картина носит диффузный характер. Данная тенденция сохранялась независимо от уровня их успеваемости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данько С.Г., Старченко М.Г., Бехтерева Н.П. Локальная и пространственная синхронизация ЭЭГ при тестировании стратегии решения вербальных креативных задач // Физиология человека. – 2003. – Т. 29. – № 4. – С. 129–132.
2. Разумникова О.М. Особенности пространственной организации ЭЭГ у людей с разными личностными характеристиками // Журнал высшей нервной деятельности. – 2000. – № 6. – С. 921–932.
3. Разумникова О.М. Мышление и функциональная асимметрия мозга. – Новосибирск: Изд-во СО РАМН, 2004. – 272 с.
4. Свидерская Н.Е., Королькова Т.А. Пространственная организация ЭЭГ и индивидуальные психологические характеристики // Журнал высшей нервной деятельности. – 1996. – № 4. – С. 689–698.
5. Kumari V., Fytche D.H., Williams S.C., Gray J.A. Personality predicts brain responses to cognitive demands // Neurosci. – 2004. – № 47. – P. 10636–10641
6. Sugiura M., Kawashima R., Nakagawa M. Correlation between human personality and neural activity in cerebral cortex // Neuroimage. – 2000. – V. 5. – P. 1. – P. 541–546.

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА «Я» У ЛИЦ С АЛКОГОЛЬНОЙ И ОПИЙНОЙ ЗАВИСИМОСТЯМИ

Гончарова К.Н.

Представлено сравнительное исследование особенностей образа «Я» у лиц, страдающих алкогольной и опийной зависимостью. Выделены общие характеристики Я-образа и общие тенденции патологизации процесса самооценивания у больных с разными видами зависимости. Исследование образа «Я» больных наркоманией и алкоголизмом имеет теоретическое и практическое значение, позволяя глубже проникнуть в личностные механизмы аддиктивного поведения и определяя разработку эффективных психотерапевтических подходов и реабилитационных программ.

Ключевые слова: *зависимость, личностная патология, образ «Я», самооценка, уровень притязаний.*

В механизмах формирования личностной патологии у больных наркоманиями, как и в развитии личности вообще, как интегративной характеристики психолого-поведенческих свойств индивида немаловажную роль играют условия его воспитания и процессы социализации, система мотивов, побуждающих его к деятельности, которая складывается на основе совокупности потребностей, в том числе возникших в динамике болезни.

Алкогольная деградация, развивающаяся на отдаленных этапах алкоголизма, включает в себя аффективные расстройства, психопатоподобные симптомы, этическое снижение, утрату критического отношения к злоупотреблению алкоголем и своему состоянию в целом, стойкие изменения памяти и интеллекта [4]. Аффективные расстройства при развитии алкогольной деградации становятся неотъемлемым свойством личности больных, отличаются чрезвычайной стойкостью, обнаруживаются не только в связи с алкогольными эксцессами, но и при длительном воздержании от алкоголя. Аффективные нарушения проявляются особой эмоциональной лабильностью, неустойчивостью настроения, подверженностью ситуационным влияниям, обидчивостью, пессимизмом с экспрессивным выражением своих чувств. Эмоциональная неустойчивость всегда сочетается с возбудимостью, поэтому аффективные вспышки сопровождаются бурными проявлениями раздражения и гнева. В большинстве случаев аффективные колебания поверхностны. У небольшой части больных аффективные нарушения выражены отчетливее. На отдаленных этапах алкоголизма развиваются клинически очерченные расстройства, выходящие за рамки абстинентных состояний, которые можно квалифицировать как алкогольное слабодушие, алкогольные дисфории или даже кратковременные депрессии с эндогенными компонентами. Из-за эмоционального огрубения и снижения критики нет глубокого переживания неприятных событий, не появляется истинного чувства вины, понимания своих поступков. У больных отмечается (несмотря на изменения настроения) эйфорическая установка – наклонность к эйфории, беспечности, недооценке жизненных трудностей, плоскому юмору. Эти особенности настолько свойственны многим больным алкоголизмом на отдаленных этапах, что обычно выделяют тип алкогольной деградации с эйфорической установкой [7].

Этическое снижение тесно связано аффективными и психопатоподобными симптомами, поэтому некоторые стороны поведения больных алкоголизмом пытаются объяснить не моральными изъянами, а эмоциональными изменениями. В частности, быстрые переходы больных от грубого тона к заискивающему связывают не с исчезновением моральных принципов, а с огрублением и лабильностью эмоций. Готовность больных ко лжи или заведомо невыполнимым обещаниям объясняют эйфорической установкой [7].

Типично стремление приукрасить положение вещей, лживость. Часто наблюдаются цинизм, алкогольный юмор: однообразные шутки на серьезные темы. В другое время больные могут докучать окружающим сентиментальными излияниями, назойливой откровенностью. Эти лица в кругу партнеров по выпивке склонны к взаимному восхвалению, подчеркиванию бескорыстности, преданности друг другу, в то же время в неприязненном тоне обсуждаются общие знакомые, особенно игнорирующие их компанию.

Утрата критического отношения к злоупотреблению алкоголем и своему состоянию в целом служит очень важным феноменом для разработки методов лечения больных алкоголизмом, в первую очередь, психотерапевтических. Главным элементом утраты критики при алкоголизме является неспособность больных оценить тяжесть злоупотребления алкоголем. В беседе с врачом отсутствие критики не обязательно имеет вид активного несогласия. Отрицая у себя алкоголизм, больные прибегают к определенной шаблонной аргументации. Как подчеркнул Е. Блейлер, она используется всеми пациентами одинаково, независимо от их образования и культуры. Сравнивая свое состояние с состоянием других больных, больной не находит у себя тех тяжелых проявлений алкоголизма, которые есть у других, либо объясняет свои выпивки особыми обстоятельствами: «нельзя было не выпить». Снижение критики редко становится тотальным; обычно к каким-то обсуждаемым вопросам больные более критичны, а к другим – менее [2].

Снижение критики тесно связано с интеллектуально-мнестическим снижением, которое на отдаленных этапах алкоголизма может принимать клинически очерченные формы, хотя обычно и не достигает степени слабоумия. В качестве наиболее ранних признаков интеллектуально-мнестического снижения отмечаются неспособность осваивать новое и шаблонность в профессиональной деятельности. Снижение памяти подчиняется общим закономерностям: в первую очередь страдает память на вновь приобретаемые сведения. Тем не менее при алкоголизме интеллектуально-мнестическое снижение не становится настолько выраженным, чтобы помешать больным выполнять простую работу или, тем более, обслуживать себя в быту [2]. Алкогольные изменения личности более динамичны, чем это предполагали. Чем больше то или иное проявление связано с социальными, психореактивными факторами, тем больше оно подвергается обратной динамике. В частности, в течение длительных ремиссий весьма обратимы морально-этические дефекты и эйфорическая установка. Более устойчивы психопатоподобные симптомы, которые заметно уменьшаются в ремиссиях, за исключением тех случаев, когда личностные отклонения соответствуют конституциональному фону. Еще менее обратимы интеллектуально-мнестические изъяны, но и они могут частично сглаживаться. В длительных ремиссиях часто наблюдается полное социальное восстановление статуса больных, как в семейной, так и в профессиональной сфере [6].

Что касается лиц, страдающих наркотической зависимостью, в процессе наркотизации постепенно происходит опустошение психики, снижение интересов, обеднение эмоций. Даже на начальных этапах у больных отмечается падение активности, причем это касается главным образом социально положительной направленности деятельности. Когда речь идет о необходимости приобрести наркотик или добыть средства к его приобретению, больные становятся необычайно активны и изворотливы [7].

Больные крайне эгоистичны. У них на первом плане находятся собственные интересы, стремление к избеганию неудобств. Характерной чертой является лживость. Практически все наркозависимые используют обман как средство для получения желаемого. При общении с окружающими больные стремятся произвести хорошее впечатление, часто предъявляют показную уверенность в себе. Приукрашивают свои материальные, а иногда физические возможности, могут вести себя вызывающе, фамильярно, без чувства дистанции. Во внешнем виде нередко обращает на себя внимание неряшливость, неопрятность, неухоженность, либо, наоборот, вычурность в одежде, прическе, поведении [7].

С родственниками, а также с медперсоналом у больных часто возникают конфликты. При этом они могут вести себя грубо, иногда даже непристойно, в резкой форме высказывать свое возмущение, не контролируя свои эмоции, используя при этом жаргонные слова, нецензурные выражения, а иногда и прибегая к рукоприкладству. В личной жизни, в семейных отношениях часто имеют место сексуальная распущенность, безразличное отношение к детям. Во всех своих неудачах они склонны обвинять окружающих, хотя сами не прикладывают никаких усилий, чтобы исправить положение. Совершая общественно неприемлемые поступки, больные нередко не чувствуют угрызений совести, иногда критика к себе полностью отсутствует. Отмечаются завышенная самооценка и одновременно неумение бороться с трудностями и затруднениями в приспособлении к окружающей среде, повышенная зависимость от взрослых или родственников. При этом выступает отсутствие критики к употреблению наркотиков.

При продолжительном употреблении ПАВ у наркозависимых формируются психопатологические расстройства, характерными проявлениями которых являются: бедность воображения, нарушения непосредственной и опосредованной памяти, мотивационного компонента памяти. У больных наблюдается примитивность суждений, застревание на «мелочах», неспособность анализировать, обобщать и выделять главное. В беседе они быстро утомляются, не могут сконцентрироваться, внимательно следить за содержанием разговора; иногда они не способны вспомнить определенные моменты своей жизни, забывают, о чем идет речь в настоящий момент, часто переспрашивают; нередко отвлекаются,

переключаются на другие темы, проявляют плоский юмор. Сложные ситуации нередко приводят больных в тупик, при этом у них наблюдается растерянность, они стараются всячески оградить себя от вновь возникшей проблемы [6].

Непосредственным результатом систематической наркотизации является снижение активности, энергетического потенциала больных, проявляющееся, прежде всего в снижении и потере трудоспособности. Значительная часть наркозависимых не работает. Они живут на содержании родственников или занимаются криминальной деятельностью, направленной на добывание денег.

Антисоциальное поведение является характерным для больных наркоманиями. Им свойственны уголовно ненаказуемые, но аморальные деяния. Больные наркоманиями часто совершают агрессивные поступки, нередко с нарушением закона, проявляют неприязнь или недоброжелательность, вплоть до словесных оскорблений, или применяют грубую физическую силу, демонстрируя свое превосходство над другим человеком или группой лиц. Чаще всего аффективные вспышки у них возникают психогенно и характеризуются бурными эмоциональными и вегетативными проявлениями – гневом, радостью, тоской, страхом или тревогой.

У всех пациентов, независимо от вида употреблявшегося наркотика, по мере наркотизации индивидуальные личностные характеристики нивелируются, больные становятся все более похожими друг на друга, у них формируется своеобразный наркоманический дефект. Последний характеризуется нарастающими аффективными расстройствами в виде дисфорических депрессий, психосоциальной дисфункцией в виде постепенного угасания интересов, различными аномалиями эмоционально-волевой сферы, расстройствами сферы влечений, в том числе сексуальной расторможенностью. Выражены морально-этическое снижение и интеллектуально-мнестические расстройства. Все это в совокупности объединяет больных по характеру изменений личности в одну группу, которую можно квалифицировать как «наркоманическую личность» [3].

Обзор литературы по данной проблеме позволяет сделать вывод о том, что существуют различные особенности в сформировавшейся патологической личности по наркоманическому или алкогольному типу. Целью нашего исследования является выявление общих особенностей образа «Я» у лиц с алкогольной и опийной зависимостями.

Объектом исследования являются лица, страдающие алкогольной и опийной зависимостями.

Предметом исследования выступают особенности образа «Я» у лиц с алкогольной и опийной зависимостями.

Исходя из цели, объекта и предмета исследования, можно сформулировать гипотезу: существуют общие особенности образа «Я» у лиц с алкогольной и опийной зависимостями.

Респондентами явились пациенты ГУЗ Наркологического диспансера г. Ессентуки.

В исследовании использовались следующие методики.

1. Методика диагностики межличностных отношений (Т. Лири).
2. Методика косвенного измерения системы самооценок (КИСС) разработана Е.Т. Соколовой и Е.О. Федотовой.
3. Исследование самооценки и уровня притязаний по методике Дембо–Рубинштейн (модифицированный вариант).

Результаты исследования могут быть использованы психологами, наркологами, как при построении реабилитационной программы, так и в условиях диспансерного лечения. Также результатами исследования может воспользоваться и сам пациент, поскольку используемые диагностические процедуры можно назвать развивающей диагностикой. Это объясняется тем, что, работая с предложенными методиками, личность вольно или невольно заглядывает внутрь себя, проецирует особенности своего внутреннего мира во вне – на листы бумаги, такие методики помогают актуализировать рефлексивные процессы.

Выборку составили 24 человека, находящихся на стационарном лечении в ГУЗ Наркологическом диспансере Предгорного района г. Ессентуки, из них 12 наркозависимых и 12 лиц, зависимых от алкоголя.

Диагноз, поставленный наркологом (выписка из истории болезни):

– наркозависимые: синдром зависимости от опиоидов, средней стадии; абстинентное состояние, средней степени тяжести;
– зависимые от алкоголя: синдром зависимости от алкоголя, средней стадии; абстинентное состояние, средней степени тяжести.

Результаты проведенного эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Испытуемым обеих групп свойственна доминантность, нетерпимость к критике, переоценка собственных возможностей, проявляемой в межличностном взаимодействии, но вместе с этими характеристиками, выявлены и такие свойства как склонность подчиняться более сильному, послушность, уступчивость, стремление удовлетворить требования всех, дружелюбность, ориентация на принятие и социальное одобрение, ответственность, стремление помогать окружающим. Проанализировав эти данные и сопоставив их с результатами, полученными с помощью методик,

а также с нашими собственными представлениями, сложившимися в ходе взаимодействия с испытуемыми, мы пришли к выводу о том, что свойства, характеризующие испытуемых как ответственных, стремящихся помогать, дружелюбных, уступчивых, стремящихся к сотрудничеству, являются симулированными.

2. Такие качества, как уверенность в себе, ответственность занимают самые высокие позиции в системе самооценок испытуемых обеих групп, то есть испытуемые наделяют себя положительными качествами, считают себя достаточно уверенными и ответственными. Такие качества, как независимость, стремление к сотрудничеству, здоровье, недоверчивость представлены отрицательными значениями и занимают последние позиции в системе самооценок, испытуемые не принимают эти качества на себя. В структуре ценностей здоровье, недоверчивость, ответственность, занимают первые позиции, а такие качества, как уверенность в себе и стремление к сотрудничеству занимают последние позиции. Недоверчивость, выявленная как ценность, является свидетельством сложившейся личности по наркоманическому /алкогольному типу, что предполагает собой наличие таких свойств личности как скрытность, лживость, подозрительность.
3. Уровень притязаний зависимых одинаково высок, что удостоверяет нереалистическое, некритическое отношение к собственным возможностям. Высота самооценки занимает среднюю позицию, по некоторым качествам испытуемые оценивали себя достаточно высоко. Мы можем наблюдать значительное расхождение между актуальной самооценкой и уровнем притязаний личности, что свидетельствует о нереалистичности, недостижимости идеалов, незрелости личности.

Полученные данные позволяют нам говорить о том, что наша гипотеза: существуют общие особенности образа «Я» у лиц с алкогольной и опийной зависимостями – подтверждена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988.
2. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. – СПб.: Питер, 2005.
3. Иванова Е. Как помочь наркоману. – СПб.: Речь, 2001.
4. Иванец Н.Н. Лекции по наркологии. – М.: Изд-во МГУ, 2001.
5. Москаленко В. Зависимость: семейная болезнь. – М.: Смысл, 2002.
6. Пятницкая И.Н. Наркомании. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
7. Энтин Г.М., Гофман А.Г., Музыченко А.П., Крылов Е.Н. Алкогольная и наркотическая зависимость: Практическое руководство для врачей. – М.: Изд-во МГУ, 2002.

Gultyaeva V.V.

A psychological component of the professional competence of judges

In this article the importance of the studies of psychological determinants of professional competence of judges is underlined, an analysis of various approaches to the study of this problem is given; the author proposes her own approach to the study of the psychological condition of professional competence of judges, which can be called a "style".

Keywords: *judge, professional competence, professionally relevant mental properties, style characteristics of the individual.*

REFERENCES

1. Vassiljev V. Psychology. – SPb., 2006.
2. Karnozova L.M. Humanitarian basis in the work of judge in criminal proceedings. – M., 2004.
3. Tarasova Y.N. Professional psychological selection of candidates for the post of federal judges. Author's abstract of the dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of psychological sciences. – SPb., 2005.
4. Morŝakova T.G. Psychological origins of judicial errors and inner conviction of judges // Effectiveness of Justice and the problem of judicial errors' correction. – M., 1975.
5. Stolyarenko O.M. Psychological techniques in the lawyer's work. – M., 2006.
6. Tselikovskij S.B. Specific of cognitive development in the genesis of deviant behavior // Cognitive psychology education: problems and prospects. – Rostov-on-Don., 2006.
7. Shkuratova I.P. Style approach to the study of personality: problems and prospects // Individual style and personality. – Rostov-on-Don, 2002.
8. Schedrina G.N. Psychological akmeological ensuring of psychological sustainability of federal judges. Author's abstract of the dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of psychological sciences. – M., 2003.
9. Yudin V. The problem of selecting candidates for judges and assistant judges // Legal world. – 2005. – N 11. – C. 77–78.

Ivanov R.St.

The suitability of psychophysiological state of a person to the application of polygraph

In the article the author puts forward the ways to assess the suitability of the psychopathological conditions of an individual for polygraph application. The author suggests an alternative approach to the implementation of a method of psychophysiological research with polygraph application: to assess the suitability of an individual under scrutiny instead of identifying the factors which hinder polygraph application.

Key words: *a polygraph, a lie detector, a polygraph test, questioning with the application of polygraph, the psychophysiological examination, psychophysiological research, the psychophysiological phenomenon.*

REFERENCES

1. Danilova N.N. Psychophysiological diagnostics of functional States. – M.: The Moscow state University, 1992.
2. Kozlov I.S. Methodological aspects of application of interrogation with polygraph use in practice. Legal psychology. Scientifically-practical and an information publication. – M.: "Lawyer", 2010. – № 3.
3. Kostandov E.A. On the physiological mechanisms of «psychological defense» and unaccountable emotions. The Unconscious. – Tbilisi: Publishing House "Meznereba", 1978.
4. Criminalistics. The textbook / Under the editorship of A.F. Volynskii, V.P. Lavrova. Law and the justice. – M., 2008.
5. Leonov A.B. Psychological diagnostics of functional states of the person. – M.: The publishing house MSU, 1984.
6. The method for conducting psycho-physiological researches with use of a polygraph in the work with personnel, operational-investigative activities and criminal proceedings. Ministry of internal affairs of the russian federation. – M., 2008. – P. 12–13.
7. Methods of diagnosis of mental states and analysis of human activity / Under the General editorship of L.G. Dikaia. – M.: The publishing house Institute of psychology of the Russian Academy of Science, 1994.
8. Ogloblin S.I., Molchanov A.Y. Instrumental «lie detection»: academic course. – Yaroslavl: The publishing house «Nuance», 2004.
9. Soshnikov A.P., Komissarova Y.V., Pelenitsin A.B., Fedorenko V.N. Polygraph in the practice of investigating crimes. The methodical recommendations. – M., 2008.
10. Kholodny Y.I. Interrogation with use of a polygraph and its natural-scientific bases. A polygraph in Russia 1993–2008. The retrospective collection of scientific articles devoted to the 15th anniversary of application of a polygraph in the Russian Federation. – M., 2008.
11. Kholodny Y.I. Polygraph application in the prevention, disclosure and investigation of crimes. – M.: The publishing house «The world security», 2000.

Krajnenko A.B.

On the relationship of motivational and autoregulation characteristics of the convicted juveniles

Paper is devoted to the ratio of value-semantic and emotional and willed characteristics of person of convicted minors. It is suggested to take as internal determinants of

criminal behavior the motivational and connected with autoregulation peculiarities of the psyche of juveniles in their interaction.

Keywords: *juvenile offenders, value-semantic and emotional and will personality profile, motivation, self-regulation.*

REFERENCES

1. Antonyan Y.M, Enikeev M.I., Eminov V.E. Psychology of the offender and the crime investigation. – M.: "Jurist", 1996.
2. Debolskij M.G. Mainstream of psychological work with personnel // Journal of applied psychology / editor. A. Stolyarenko. – M., 2001.
3. Ermakov V.D. Activities of State bodies and public and governmental organizations aimed to improve conditions for leisure and individual preventive work with juveniles at the place of their residence // Improvement of measures for preventing juvenile delinquency. – M., 1985.
4. Morosanova V.I. Personal aspects of self-regulation of a willed human activity // Psychological Journal. – 2002. – Vol. 23. – N 6. – P. 5–17.
5. Peter A.V. Theoretical psychology. – M., 2001.
6. Uznadze D.T Experimental foundations of the psychology of set.
7. Iadov V.L. About dispositonal regulation of social behavior. Methodological problems of social psychology. – M., 1975. – C. 197–215.
8. The Scientific Study of Human Nature: a Tribute to Hans j. Eysenck at Eighty / ed. by h. Nyborg. – Pergamon, 1997.

Butenko V.S.

Organizational and methodological problems of creating a system of psychological support of the Southern Federal University

In this article, the author considers the problem of creating a system of psychological support of the Southern Federal University. The principles of building a similar system in other universities.Outlines the main directions of work and organizational foundations of psychological support services SFedU.

Keywords: *psychological support, the university, psychological services, safe learning environment.*

REFERENCES

1. Kislova V.S. Features of psychological support of university students in terms of risks of modernization of higher education: Dissertation of candidate of psychological sciences. – Rostov-on-Don, 2006. – 23 p.
2. Practical psychology of education: Study Guide 4th Edition / Edited by I. Dubrovina. – St. Petersburg, 2009. – 592 p.
3. Psychological service in modern education / Edited by I. Dubrovina. – St. Petersburg, 2009. – 400 p.
4. Rubtsov V.V. Service of practical psychology of education: current status and prospects of development // Questions of psychology. – 2003. – № 6. – P. 32–40.
5. Rubtsov V.V., Malykh S.B., Margolis A.A. Prospective model of integration of psychological science, education, and practice on the basis of the Psychological Institute RAE // Questions of psychology. – 2004. – № 2. – P. 93–103.

Dubover D.A.

School full-time in Russia at the turn of XX and XXI centuries: History, Present and Prospects

In this article the author reveals the main landmarks of formation and development of full-time schools in Russia. Indicates a variety of reasons, which in the system of education of country. The current situation of full-time schools is regarded and ways for further development are being suggested.

Key-words: *Full-day school, student-centered learnung, personal trajectories, extended day school.*

REFERENCES

1. Budanova GP School full-time. – M., 2010.
2. Bulkin A.P. Sociocultural dynamics of education. – Dubna, 2009.
3. Kostyashkin E. Extended school day. – M., 1965.
4. Ministerstvo of Education and Science. Order "On Amendments to the Federal government standard primary education, as approved by the Minister of Education of the Russian Federation of 10.06.2009. № 373 of 26.11.2011.

Chernix O.V.

Quality measurement organization principles kompetentnostnogo of education

We investigate the organizational principles of competency education based on the cluster analysis of the structural elements of the program discipline. A model of student competence in a given discipline development technology is suggested .

Key words: *competence, training module, assessment, cluster, problem and project assignments.*

REFERENCES

1. Dewey Dzh. Psychology and pedagogic thinking (As we think). – M., 1999.
2. Zimnya I.A. Key competence – a new paradigm of result of education // Higher education today. – 2003. – N 5.
3. Ilyin E.P. Motivation and motives. – St. Petersburg, 2006.

4. Safontsev S.A., Chernix O.V. Integrative competence measurement as a latent variable. – Rostov-on-Don, 2011.
5. Spencer L.M., Spencer S.M. Competences on work. – M., 2005.

Chigisheva O.P.

Methodological component in foreign theoretical and pedagogical research works of prognostic character

The article deals with the offered by German theorists functional approach used for the development of theoretical bases of pedagogy from the comparative view point. It is a new step in the methodology formation for conducting theoretical and methodological research of prognostic character which is characterized by the development of methodological background for more precise defining of the objects compared, their classification and typologisation, the choice of tertium comparationis and widening of the instrumental tools used for prediction and planning.

Key words: *prognostics, tertium comparationis, itertemporal comparison, spatial metric comparison, international metric comparison.*

REFERENCES

1. Semenov G.V. Historical and theoretical background and development tendencies of domestic theory of pedagogical prognostification: candidate of pedagogical sciences dissertation abstract. – Rostov-on-Don, 2010. – 22 p.
2. Fedotova O.D., Chigisheva O.P. Theoretical and methodological bases of comparative pedagogy of the FRG: monography. – M.: APKandPRO, 2008. – 170 p.
3. Chigisheva O.P. Methodological peculiarity of European pedagogical research (the end of the XX – beginning of the XXI cent.) // Contemporary scientific and research practices: collected scientific papers. – Rostov-on-Don: Scientific cooperation, 2011. – P. 133–143.
4. Berstecher D., Dieckmann B. Planung und Prognose mit Hilfe internationaler Vergleiche (1971) Texte zur Methodologie-Diskussion, Verlag Dokumentation. – Pullach bei Muenchen, 1974. – 309 p.
5. Berstecher D. Bemerkungen zur Logik Vergleichender Forschung, (1972), Texte zur Methodologie-Diskussion, Verlag Dokumentation.– Pullach bei Muenchen, 1974. –309 p.

Akopova L.I.

Autonomy of spouses in relation to family system as a risk zone

In article the analysis of a demographic situation and factors influencing it is carried out. The interrelation of the moral and emotional sphere and the family conflicts is revealed. Influence of an autonomy of spouses in family system on life expectancy of men is investigated.

Keywords: *moral and emotional sphere, matrimonial interaction, matrimonial conflicts, autonomy and free choice, risk zone.*

REFERENCES

1. Ansupov A.Ya. Shipilov A.I. Conflictology. The textbook for higher education institutions. – M: Unit, 2002.
2. Andreeva T.V. Family psychology: manual. – SPb.: Speech, 2004.
3. Arkhangelsk V.N. Udovletvorennost marriage // Messenger Mosk. Un-ta. Series 14. Psychology. – 2001. – N 4.
4. Baranova E.V. Features and problems of a modern family // Psychological magazine. – 2001. – N 2.
5. Big encyclopedia of psychological tests. – M: Eksmo's publishing house, 2006.
6. Bapra A.Ya. System family psychotherapy. Course of lectures. – SPb.: Speech, 2001.
7. Grishin N.V. Conflict psychology. – SPb.: St. Petersburg, 2005.
8. Gundarov I.A. Demographic accident in Russia: reasons, mechanism, overcoming ways. – M.: Editorial of URSS, 2001. – P. 80–81.
9. Gundarov I.A. History and present. – 2009. – N 1.
10. Klyachkin Zh.V. Spheres of disputed interaction in a family and strategy of permission of the matrimonial conflicts // Psychological magazine. – 2000. – N 3.
11. Levkovich V.P. A social and psychological approach to studying of the matrimonial conflicts // Psychological magazine. – 1995. – N 3.
12. Sidorenko E.V. Methods of mathematical processing in psychology. – SPb.: JSC Publishing House «Speech», 2001.
13. Matrimonial life: harmony and conflicts / Structure. A.A. Bogdanovich. – M: Profizdat, 1990.
14. Satir V. How to build itself and the family. Notes of the psychologist. – M: Pedagogika-Press, 1992.
15. Schneider L.B. Psychology of the family relations. Course of lectures. – M., 2000.

Kolomiychenko E.V.

Motivation of students of high school for physical culture and sports as a component of the development of physical culture of the person

The paper investigates the motivation of students in physical education and sports, published author profile gathering opinions of students about healthy lifestyles and risk factors to health, analyzes the views of students and

its significant environment on the role and importance of physical culture in personality development.

Key words: *sports motivation of students, orientation, value orientation, physical culture, sport, health risk factors, concern about the physical condition.*

REFERENCES

1. Evseev Y.I. Physical culture, sport, tourism through the eyes of students. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2000.
2. Ilyn E.P. Psychology of Physical Education. – M.: MGU, 1996.
3. The concept of development of physical culture and sports in the Russian Federation until 2005 (Decree of the Government of the Russian Federation from October 29, 2002 N 1507-p).
4. Malozemoff O., Prokopenko V.I., Malozemova I.I. Zdorovesberezhenie intellectually gifted high school students by means of physical culture: monograph. – Ekaterinburg, 2003. – 255 p.
5. Matveev A.P. Theory and methods of physical culture. Textbook for institutes of physical culture. – M.: MSU, 1991.
6. Merlin V.S. Problems of Integral Studies individuality. – Perm: PSPI, 1977.
7. Popov A.L. Psychology. Textbook for physical education universities and faculties of physical education. – M.: Flint, 2001.
8. Simonov V.P. Motivated by the brain. – M.: Nauka, 1987. – 212 p.
9. Togunov E.N., Martyanov B.I. Psychology of Sport and Physical Education. – M.: Academia, 2000.
10. Physical education student / edited by V.I. Ilyinich. – M.: Gardariki, 2000.

Larionova N.N.

Components of the healthy lifestyle and relation to them modern youth

In article questions of a healthy lifestyle and the relation of students to it in realities of today are considered.

Key words: *healthy lifestyle, healthy lifestyle components, physical culture, healthy lifestyle promotion, motives of occupations by physical culture and sport.*

LITERATURE

1. Larionov N.N. Of the Problem of health and healthy lifestyle of student's youth // Psychological messenger. – 1999. – N 4.
2. Larionov N.N. Motives of improving activity of students // Physical culture in higher education institutions at a turn of the millennium: collection of articles: materials of the All-Russia conference. – H. 2. – St. Petersburg, 2000.
3. Sushchenko A.A. A healthy lifestyle role in society development // In the collection of scientific materials XX of the Russian scientific and practical conference of students, graduate students, young scientists. – Rostov-on-Don. – P. 123–126.
4. Toropkova I.I. A role of sports and physical culture in life of the modern student // In the collection of scientific materials XX of the Russian scientific and practical conference of students, graduate students, young scientists. – Rostov-on-Don. – P. 210–212.
5. Fau S.V. Education of the valuable relation of students of higher education institution to preservation of reproductive health // Modern approaches to improvement of physical training and sports activity of studying youth: Materials of the international scientific and methodical conference. – Vladimir, 2009. – P. 335–339.

Rybchenskay S.P.

Ealth culture as a tool to motivate the formation of a healthy lifestyle among students

Culture of Health is the main, to date, proven and effective tool motivation for the formation of healthy lifestyles. Having knowledge of what a healthy lifestyle in real life, making their individual (taking into account directly to personal data) recovery program young person can consciously realize it in life, while maintaining their own health.

Key words: *Culture of health, zdorovesberezheniya, school health.*

REFERENCES

1. Vasilieva O.S. The role of education in the field of health psychology in the formation of humanistic values // Russian psychological journal. – 2010. – T. 7. – № 5–6. – C. 44–49.
2. Vassiliev O.S. School health education as a strategic aspect of management of the future // Proceedings of the Third All-Russian scientific-practical conference "The functional status and health". – Rostov-on-Don, 2010. – P. 228–230.
3. Diagnosis of health. Psychological workshop / ed. Professor. G.S. Nikiforov. Children and adolescence / O.V. Ukrainian, A.A. Gavrilina. – St. Petersburg: Speech, 2007.
4. Vasilieva O.S., Filatov F.R. Health Psychology and Culture: textbook. – Rostov n/D., 2011. – P. 176.
5. Vasilieva O.S. Building a culture of health in a multicultural educational environment of the school // Collection. Building a culture of health in the educational environment of the school. – Rostov n/D., 2011. – P. 40–49.
6. Active forms of socio-psychological education / ed. V. Dudarev. – M., 2000.
7. Andreeva G.M. Social Psychology: the textbook for high schools. – M.: Aspect-Press, 2007.

8. Bykov A.K. Methods of active socio-psychological training: training allowance. – M.:Sfera, 2005.
9. Belinskaya E.P., Tihomandritskaya O.A. Social psychology of personality: a tutorial. – M.: Aspect-Press, 2001. – 301 p.

Saakyan O.S.

Features of the background electrical brain activity of young people with different individual characteristics

In this paper we study the cardinality features of background EEG in boys and girls with different levels of creativity, achievement and the type of lateral organization (TLO). The influence factors of sex, level of creativity and the TLO on the power characteristics of the EEG. Revealed a large left parietal activity, central and right occipital areas of the brain at rest, boys and girls with high levels of creativity, temporal and parietal areas of the left hemisphere of the brain in boys and girls from middle-and low-creativity. It is shown that in the resting state functional hemispheric asymmetry of background activity of the brain shows the dominance of the left parietal, middle frontal and central regions of the brain in boys and girls with the right TLO.

Key words: *EEG background activity, power, sex, level of creativity, achievement levels, the type of lateral organization (TLO).*

REFERENCES

1. Danko S.G., Starchenko M.G., Bekhterev N.P. Local and spatial synchronization of the EEG testing strategies to deal with verbal creative tasks // Human Physiology. – 2003. – T. 29. – N 4. – P. 129–132.
2. Razumnikova O. Features of the spatial organization of EEG in people with different personal characteristics // Journal of Higher Nervous Activity. – 2000. – N 6. – P. 921–932.
3. Razumnikova O. Thinking and functional brain asymmetry. – Novosibirsk: Publishing House of SO RAMS, 2004. – 272 p.
4. Sviderskaya N.E., Korolkova T. Spatial organization of EEG and individual psychological characteristics // Journal of Higher Nervous Activity. – 1996. – N 4. – P. 689–698.
5. Kumari V., Fytche D.H., Williams S.C., Gray J.A. Personality predicts brain responses to cognitive demands // Neurosci. – 2004. – № 47. – P. 10636–10641.
6. Sugiura M., Kawashima R., Nakagawa M. Correlation between human personality and neural activity in cerebral cortex // Neuroimage. – 2000. – V. 5. – N 1. – P. 541–546.

Goncharova X.N.

The common features of the image of "self" in persons with alcohol and opiate dependency

A comparative study of characteristics of the image of "self" for persons with alcohol and opiate dependence is presented. Common characteristics of "I and general trends of pathological process of self-evaluation in patients with various types of dependence are highlighted. The study of the image of the "self " of drug addicts and alcoholics has theoretical and practical significance, allowing new insights into mechanisms of addictive behavior and personality by developing effective psychotherapeutic approaches and rehabilitation programs.

Keywords: *addiction; personal pathology; self image, self esteem, the level of claims.*

REFERENCES

1. Bratus B.S. Abnormalities of personality. – M.: Mysl, 1988.
2. Zmanovskaia E.V. Deviantology: psychology of deviant behavior. – SPb.:"Peter", 2005.
3. Ivanova E. How to help an addict. – SPb.: "Rech", 2001.
4. Ivanets N.N. Lectures on drugs. – M.: MSU, 2001.
5. Moskalenko V. Addiction: family disease, "Smisl", Moscow, 2002
6. Pyatnitskaya I.N.,Addictions. – M.: MSU, 1994.
7. Enchin G.M., Muzychenko A.G. Gofman, Krilov E.N. Alcohol and drug dependency: a practical guide for physicians. – M.: MSU, 2002.

Акопова Людмила Ивановна
преподаватель кафедры психологии здоровья и физической культуры факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303217; *e-mail:* www/svr@sfedu.ru

Akopova Lyudmila Ivanovna
teacher, SFU, the Faculty of Psychology, Department of Psychology Health and Physical Education
Office address: 344038, Rostov-on-Don,
13 avenue M. Nagibina
Tel: (863) 2303217; *e-mail:* www/svr@sfedu.ru

Бутенко Вера Сергеевна
кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики высшего образования факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2433577; *e-mail:* vk15@inbox.ru

Butenko Vera Sergeevna
Ph.D, lecturer in chair psychology and pedagogy of higher education Department of psychology SFU
Official address: 344038, Rostov-on-Don,
13 avenue M. Nagibina
Tel.: (863) 243-35-77; *e-mail:* vk15@inbox.ru

Гончарова Ксения Николаевна
соискатель кафедры юридической психологии и военной психологии факультета психологии ЮФУ. Психолог медицинского центра доктора Воробьева
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2430611; *e-mail:* goncharksy@mail.ru

Goncharova Ksenia Nikolaevna
post graduate of Department of legal psychology and military Psychology of the faculty of psychology SFU. Psychologist of Dr. Vorobiev's Medical Center
Official address: 344038, Rostov-on-Don,
13 avenue M. Nagibina
Tel.: (863) 2430611; *e-mail:* goncharksy@mail.ru

Гультяева Виктория Владимировна
аспирантка кафедры юридической психологии и военной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2430611

Gultyaeva Victoria Vladimirovna
post-graduate student Department of legal psychology and military psychology of the faculty of psychology SFU
Official address: 344038, Rostov-on-Don,
13 avenue M. Nagibina
Tel.: (863) 2430611

Дубовер Денис Анатольевич
аспирант кафедры психологии и педагогики высшего образования факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2309409; e-*mail:* ddubover@yandex.ru

Dubover Denis Anatolevich
postgraduate department of psychology and pedagogy of Higher Education, department of psychology, SFU
Office address: 344038, Rostov-on-Don,
13 avenue M. Nagibina
Tel: (863) 2300347; *e-mail:* ddubover@yandex.ru

Иванов Роман Станиславович
соискатель 2 этапа, преподаватель кафедры юридической психологии и военной психологии факультета психологии ЮФУ, полиграфолог
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2430611; e-mail: skadl@bk.ru

Ivanov Roman Stanislavovich
a lecturer of the legal and military psychology chair, the faculty of Psychology at SFU, a polygraph specialist
Official address: 344038, Rostov-on-Don,
13 avenue M. Nagibina
Tel.: (863) 2430611; *e-mail:* skadl@bk.ru

Коломийченко Елена Валерьевна
преподаватель кафедры психологии здоровья и физической культуры факультет психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303217; e-*mail:* www/svr@sfedu.ru

Kolomiychenko Elena Valerevna
teacher, SFU, the Faculty of Psychology, Department of Psychology Health and Physical Education
Office address: 344038, Rostov-on-Don,
13 avenue M. Nagibina
Tel: (863) 2303217; *e-mail:* www/svr@sfedu.ru

Крайненко Анастасия Борисовна
аспирант кафедры юридической психологи и военной психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2430611; e-*mail:* nastya1k1@rambler.ru

Ларионова Нелли Николаевна
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии здоровья и физической культуры факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303217; *e-mail:* www/svr@sfedu.ru

Рыбчинская Светлана Петровна
преподаватель кафедры психологии здоровья и физической культуры факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303217; e-*mail:* www/svr@sfedu.ru

Саакян Оксана Сааковна
преподаватель кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303237; e-*mail:* Oksana_Saakyan@mail.ru

Черных Оксана Владимировна
аспирант кафедры психологии и педагогики высшего образования факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2309409; e-*mail:* chernix77@mail.ru

Чигишева Оксана Павловна
доцент кафедры психологии и педагогики высшего образования факультета психологии ЮФУ, докторант кафедры педагогики ПИ ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2300994; e-mail: ochigisheva@rambler.ru

Krajnenko Anastasiya Borisovna
post graduate of Department of legal psychology and military Psychology of the faculty of psychology SFU
Official address: 344038, Rostov-on-Don,
13 avenue M. Nagibina
Tel.: (863) 2430611; *e-mail:* nastya1k1@rambler.ru

Larionova Nelly Nikolaevna
candidate of pedagogical sciences, associate professor. SFU, the Faculty of Psychology, Department of Psychology Health and Physical Education
Office address: 344038, Rostov-on-Don,
13 avenue M. Nagibina
Tel: (863) 2303217; *e-mail:* www/svr@sfedu.ru

Rybchenskay Svetlana Petrovna
a teacher, SFU, the Faculty of Psychology, Department of Psychology Health and Physical Education
Office address: 344038, Rostov-on-Don,
13 avenue M. Nagibina
Tel: (863) 2303217; *e-mail:* www/svr@sfedu.ru

Saakyan Oksana Saakovna
Instructor, SFU, Department of Clinical Psychology and Psychophysiology
Office address: 344038, Rostov-on-Don,
13 avenue M. Nagibina
Tel: (863) 2303237; *e-mail:* Oksana_Saakyan@mail.ru

Chernix Oksana Vladimirovna
postgraduate department of psychology and pedagogy of Higher Education, department of psychology, SFU
Office address: 344038, Rostov-on-Don,
13 avenue M. Nagibina
Tel: (863) 2300347, *e-mail:* chernix77@mail.ru

Chigisheva Oksana Pavlovna
associate Professor of the department of psychology and pedagogy of higher education of the psychological faculty at Southern federal university, post-doctorate student of the pedagogy department of the Pedagogical Institute at SFU
Office address: 344038, Rostov-on-Don,
13 avenue M. Nagibina
Tel: (863) 2300994; *e-mail:* ochigisheva@rambler.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном и электронном вариантах в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять на дискете отдельными файлами в формате TIF или PDF с распечатками и перечнем подрисуночных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются **аннотация и ключевые слова** объемом не более 0,5 стр., а также **сведения об авторе**:

1) фамилия, имя и отчество;
2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
3) специальность, ученое звание;
4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
5) электронный адрес (email)

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ,
АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ
И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.**

Статьи аспирантов печатаются бесплатно.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 243, редакция
Тел. (863) 243-15-17; E-mail: rpj@psyf.rsu.ru, rpj@bk.ru
Часы работы
понедельник – пятница 13.00-18.00
суббота, воскресенье – выходной